

Дуглас Брайан

Пленники песчаных вихрей

Конан – 134

...и снова Конан-Варвар отправляется в странствия, снова он принимает бой и снова выходит победителем.

Глава первая

Одиночество в пустыне

От горизонта до горизонта, куда ни брось взгляд; везде одно и то же; бесконечные волны песка. Конан находился в самом сердце пустыни. Солнце сияло прямо у него л над головой. Безжалостные лучи дневного светила выискивали свою жертву и, казалось, в считанные мгновения выпивали из него всю влагу.

Но киммерийцу не привыкать было к подобным путешествиям. И хотя родился он на далеком севере, многочисленные жизненные испытания приучили его без особого труда переносить самые разные условия. Он мог выжить и посреди моря, на утлом суденышке, и в душных вендийских джунглях, и в обществе кхитайских философов, и — наверное, это было самым трудным, — среди утонченной аристократии, при дворах цивилизованных владык, которые самого Конана именовали не иначе, как дикарем и варваром.

Конан намеревался пересечь пустыню за несколько дней. Путь был ему хорошо знаком, так что он без страха пустился в дорогу один, не взяв с собой проводника.

Киммериец не нуждался в чьем-либо обществе. У него было скверное настроение, и самая мрачная меланхолия одолевала его. Ему хотелось побыть в одиночестве. Для подобного состояния духа не требовался спутник. Пустыня — самое лучшее, что можно было измыслить.

Конан огляделся по сторонам, и хмурая улыбка появилась на его загорелом лице. Никого и ничего. Его окружали пески и смертоносней солнечный свет. Достойный

противник! Конан оскалился, словно желая бросить пустыне вызов.

Она ответила еле слышным шорохом песков. Где-то вдали ветер перемещал песчаные массы, но там, где находился киммериец, не было ни малейшего дуновения. Солнце, казалось, застыло на небе, в самом зените.

На Конане был наряд кочевника — широкий белый плащ, покрывало на голове. Но даже издали киммерийца невозможно было принять за обыкновенного жителя пустыни. Северянин был выше ростом любого из них, гораздо шире в плечах, да и держался иначе. Говорят, будто каждый кочевник обладает царственной осанкой; по любому, даже самому спесивому из них, далеко было до Конана-варвара.

Киммериец не сомневался в том, что рано или поздно он сделается королем. Завоюет себе королевство, какое глянется, и сядет там на трон. Человек, который не побоялся бросить вызов всему миру, вполне способен и на такое.

До него донесся пронзительный крик орла. Величавая птица кружила в вышине, и казалось, будто солнце и жаркий воздух породили ее. Кого высматривал орел? В других областях пустыни имелась хоть какая-то растительность. Там обитали разные мелкие существа, тушканчики и прочие, которые обычно служили добычей орлу. Но кого он высматривает сейчас? Не самого ли Конана?

Конан засмеялся и погрозил орлу:

— Хочешь побороться?

Как будто услышав человека, орел взмыл еще выше и словно бы растворился в ослепительном солнечном свете.

Конан удовлетворенно кивнул.

Конь ступал по песку уверенно: ему передавалось настроение хозяина. Всадник не сомневался в том, что к вечеру они доберутся до оазиса и смогут отдохнуть и утолить жажду. К тому же у них имелась при себе вода — бурдюк опустел лишь наполовину.

Киммериец еще раз огляделся по сторонам и удовлетворенно хмыкнул. Ни одного человеческого лица вокруг! Вчера он тоже был один и ночевал прямо на остывающем песке, под звездами, которых здесь великое множество. Рассвет нагрязнул на пустыню, словно неприятель из засады, из-за горизонта выскочило гигантское красное солнце, и казалось, будто до него можно дотянуться рукой, а затем почти сразу же снова началась изнуряющая жара.

Пустыня. Пустая земля.

Неожиданно киммерийцу показалось, будто он замечает среди золотых песков нечто темное. Он приподнялся на стременах, всматриваясь в это.

Наверное, лучше было бы просто отвести взгляд и проехать мимо, подумалось ему. Но это «нечто» своей неуместностью и очевидным безобразием настойчиво лезло в глаза, так что Конан поневоле направил коня в ту сторону. Лучше бы сразу разрешить загадку — и выбросить ее из головы.

Конан почти не сомневался в том, что увидит сейчас плащ какого-нибудь незадачливого бедолаги, а может быть, и труп, иссохший и почерневший. Должно быть, пески сместились и обнажили то, что было много зим погребено под ними.

Он приблизился и остановил коня.

Так и есть! Одежда. Только какая-то странная. Расписной шелк, к тому же очень яркий. Если бы эти вещи пролежали под солнцем хотя бы несколько дней, они утратили бы краски — солнце выжгло бы их, сделало бы гораздо более тусклыми.

Стало быть, эти тряпки попали сюда совсем недавно. Что ж, люди погибают в пустыне постоянно. И века назад, и день назад, и час назад... Всегда одно и то же.

Конан хотел было повернуть коня и двинуться дальше, как вдруг тряпки зашевелились, и слабый голос простонал:

— Помогите...

Киммериец резко остановил коня. Удивленный подобным обращением, конь взвился на дыбы и громко заржал, но Конан быстро усмирил его. Звук лошадиного ржания возымел почти магическое действие на незнакомца, лежавшего посреди пустыни. Он проявил еще более очевидные признаки жизни, из-под горы тряпок показались довольно пухлые белые руки с накрашенными ногтями. Человек закопошился, пытаясь подняться.

— Лежи, не трать силы, — буркнул киммериец.

— Здесь человек... — прошептал незнакомец и вдруг сухо, без слез, зарыдал.

— Ты почти угадал, — сказал Конан ровным, равнодушным тоном. — Здесь варвар, который совершенно не рад нашей встрече. Учти это на будущее и не будь многословен.

Он соскочил на землю и с бурдюком в руках подошел к незнакомцу. Присев рядом на корточки, Конан плеснул водой ему на голову.

— Выпей воды, — сказал киммериец.

— Вода... — простонал неизвестный.

Холеные руки с красными ногтями вцепились в бурдюк. Показалось лицо, обожженное солнцем, с багровыми пятнами, шелушащееся. Черты этого лица, впрочем, были довольно правильными и даже приятными: широко расставленные темные глаза, прямой нос, твердый подбородок.

Незнакомец принялся жадно глотать воду. Он оживал прямо на глазах. Конан смотрел на него с хмурой усмешкой. Вот и закончилось блаженное одиночество. Придется теперь терпеть рядом с собой какого-то незадачливого бедолагу. Тот, несомненно, начнет сейчас изливать благодарность, и на голову киммерийца обрушатся мутные словесные потоки.

А потом, что еще хуже, поведаст ему свою историю. Какую-нибудь длинную, полную ненужных подробностей повесть о том, как он отправился за какой-нибудь нелепой надобностью в путь, как его предали и бросили здесь на смерть, предварительно обобрав до нитки.

Когда эти темные глаза начнут хорошо видеть — а такое случится очень скоро, едва лишь тело напитается водой в должной мере, — незнакомец быстро разглядит своего спасителя и поймет, кто перед ним. Человек, способный браться за любое дело. Наемник, если угодно. Бродяга — в любом случае.

И тогда начнется вторая часть их «знакомства»: незнакомец вцепится в Конана мертвой хваткой и будет предлагать ему любые деньги, лишь бы он, Конан, отыскал негодяев, покарал их и отобрал у них похищенное. А судя по тому, что незнакомец довольно молод, сравнительно крепок и наверняка обладает волей — иначе он не отправился бы в опасный путь и вообще не пошел бы на риск, — велика вероятность того, что он предложит свое общество спасителю. «Ты спас меня, теперь найди тех, кто меня предал. Я пойду с тобой. Можешь рассчитывать на меня.

И, поскольку он предложит киммерийцу хорошие деньги за работу, у Конана не хватит духу отказаться. Нужда в деньгах была у него всегда — и сейчас, возможно, еще больше, чем год назад.

Конан морщился, предвидя обычное развитие событий.

Незнакомец, как ни был он измучен пережитым, заметил, какое выражение лица у его спасителя.

— Что? — настороженно спросил он. — Я сделал что-то, что оказалось тебе не по душе? В таком случае, прошу меня простить.

— Нет, — сказал Конан. — Ты пока еще ничего не сделал. Просто я подумал о том, как противно предвидеть наперед...

— О чем ты говоришь?

— Да о том, что произойдет дальше! — с досадой воскликнул Конан. — Боги, должно быть, я сильно прогневал вас! — Он глянул на солнце с таким негодованием, как будто рассчитывал узреть у себя над головой какого-нибудь прогневанного бога, с которым можно

было бы поспорить, а то и подраться.

— Я не понимаю... — пробормотал спасенный.

— Да? — Конан издевательски засмеялся. — Хорошо, я объясню, чтобы ты потом не говорил, будто не знал... Я уехал в пустыню с единственной целью: избавить себя от лицемерия людей. Мне неприятны человеческие лица. Мне отвратительна суета так называемых «цивилизованных» господ. Меня тошнит от ваших забот, от ваших разговоров, от вашей мелочности... Я избрал самый опасный путь и отправился в одиночку. Знаешь почему? Просто потому, что это был единственный способ побыть в полном и совершенном одиночестве. И что же? Прошло всего три дня — и я встречаю тебя! Теперь ты понял?

— Ты мог проехать мимо, — заметил незнакомец.

Конану показалось, что в его тоне прозвучала легкая ирония. Но, быть может, это была лишь иллюзия... Или нет? Киммериец, насупившись, глянул на незнакомца.

— Мое проклятое любопытство! — бросил варвар. — Вот что стало причиной. Кроме того, пустыня часто обнажает то, что было погребено в ней веками — и иногда это оказываются сокровища какого-нибудь давным-давно погибшего каравана. Я не мог упустить такой возможности.

— Понятно, — сказал незнакомец. — Итак, ты спас меня, сам того не желая, и теперь я — досадная помеха для тебя.

— Что-то в таком роде, — признал Конан.

— Ты ведь не оставишь меня здесь умирать? — осведомился незнакомец.

— Проклятье! — зарычал Конан.

— Вот и хорошо.

Спасенный поднялся на ноги, и Конан с удивлением уставился на него.

Обожженное лицо этого человека говорило о том, что он долго находился под палящим солнцем, не имея надлежащего головного убора и вообще слабо понимая, как следует защищать нежную белую кожу от смертоносных лучей пустынного светила. Ухоженные руки с крашеными ногтями — свидетельство того, что чужак прежде жил в богатстве и роскоши и никогда не занимался физическим трудом. Одно с другим сочеталось неплохо.

Но одежда! Митра, разве это одежда? На чужаке было шелковое одеяние: очень широкие штаны, схваченные под коленом лентами. По форме верхняя часть этих штанов напоминала два кхитайских фонарика, что раскачиваются обычно возле входа в зажиточный дом. Нижняя часть штанов, напротив, была узкой и облегла икры. Отправляясь в путешествие, никаких сапог незнакомец не надел, предпочтя им туфли на каблуке с пряжкой в виде бабочки. Конан был потрясен, заметив, что бабочка сделана из накрахмаленного шелка и усыпана крошечными драгоценными камушками.

И это — обувь, которую надевают в дорогу? Боги, должно быть, вы и впрямь лишили этого парня остатков рассудка!

Рубаха незнакомца была под стать штанам: расписной шелк. Очень широкие рукава, расшитые бусинами и украшенные бахромой. Рубаха запахивалась на груди и стягивалась тонким поясом.

Ни оружия, ни кошель с деньгами у незнакомца при себе не было. Темные волосы, полные песка, слиплись от пота; он не захватил с собой даже шляпу!

— Может быть, тебя бросили умирать, отобрав у тебя дорожную одежду и соломенную шляпу? — вырвалось у Конана.

— Что? — Чужак заморгал, удивленный вопросом.

Конан с досадой прикусил губу. Он поклялся себе, что не станет любопытствовать касательно приключений незнакомца. Доставит его в оазис — и избавится от него навсегда. Но увиденное оказалось чересчур диковинным даже для Конана, так что удивление оказалось сильнее желания побыть в одиночестве и не связываться с очередным спутником.

— Меня зовут Югонна, — сказал незнакомец.

— Конан, — буркнул в ответ варвар.

— Конан? Это, кажется, аквилонское имя?

— Я киммериец, и закончим на том все разговоры обо мне, — отозвался Конан. — Полагаю, ты успел понять, с кем имеешь дело.

— Возможно. — Югонна вздохнул.

— Держись за стремя, — сказал Конан. — Пока мы тут стоим и болтаем, время идет, а мы ни на шаг не приближаемся к оазису.

Югонна не спросил, далеко ли оазис, и Конан против боли почувствовал к нему легкую симпатию.

— Протяни руку, — приказал Конан.

Югонна молча повиновался. Киммериец отхватил ножом кусок длинного рукава от шелковой рубахи.

— Обвяжи себе голову и закрой лицо, — сказал он. — Иначе солнце убьет тебя.

Киммериец сел в седло, и они вдвоем двинулись в путь.

* * *

Югонна шел рядом с конем Конана, пошатываясь, но не произнося ни слова жалобы. Несколько раз киммериец останавливался и давал ему воды из бурдюка. Драгоценные бабочки отвалились от туфель Югонны и остались где-то в песках. Затем развалились и сами туфли. Пустыня уничтожила их прежде, чем солнце заметно переместилось на небе.

Теперь Югонна шел по песку босой. Конан увидел, что на пальцах ног он носит перстни. Это было уже чересчур.

Конан натянул поводья.

— Садись на коня позади меня, — распорядился варвар. — Ты сожжешь ноги...

Югонна безмолвно забрался на коня. Животное протестующе заржало: было очевидно, что конь не желает нести двойную ношу. Конан потрепал его по гриве.

Происходящее все больше и больше раздражало киммерийца. Он хорошо понимал возмущение своего коня. Путешествие начиналось так хорошо! Даже слишком хорошо. В караван-сараях на варвара, желавшего пересечь пустыню в одиночку, посмотрели как на безумца и в долгие беседы с ним вступать не стали. Конь, которого Конан купил незадолго до этого, оказался выносливым и понятливым.

И вот теперь...

... Да еще эти перстни на пальцах ног! Последнее обстоятельство особенно угнетало Конана.

Наконец киммериец не выдержал. Обернувшись к своему спутнику, он спросил:

— Что такой неженка, как ты, делает в пустыне?

— Не знаю, — ответил Югонна.

— Что?

— Я не знаю, — повторил Югонна. — Не понимаю, как здесь очутился.

— Ты утратил память? — уточнил Конан на всякий случай. Он испытал облегчение: итак, никаких коварных спутников, никаких ушедших прочь караванов, никаких просьб догнать и покарать предателей.

— Нет, памяти я не терял, — отозвался Югонна. — Я хорошо помню, как ложился в постель в своем доме в Авенвересе...

— Это где? — перебил Конан.

— Далеко отсюда, это уж точно. Как ты, наверное, догадался, я принадлежу к богатой и знатной семье.

— Угу, — буркнул Конан.

— Я дремал, — продолжал Югонна, — а потом решил спуститься вниз, в комнаты моей матери, и поговорить с ней о... об одном семейном деле.

— Это важно? — спросил Конан.

— Для моей истории? Понятия не имею. В любом случае, я хотел поговорить с ней о

моей женитьбе. Я надел туфли и потерял сознание. Когда я очнулся, кругом была пустыня — и никакой надежды на помощь. Вот и все.

— Может быть, тебя усыпили и доставили сюда так, что ты и не знал об этом? — предположил Конан. — Ты не знаешь, существуют ли враги у вашей семьи?

Югонна покачал головой.

— У каждой знатной семьи есть враги, такое в порядке вещей. Но я не думаю, Чтобы наши враги прибегли к столь изощренному и трудоемкому способу мести. От меня можно было избавиться куда более простыми средствами. Видишь ли, у меня есть любовница и...

— Это точно не имеет отношения к делу! — оборвал Конан.

— Любой человек, имеющий любовницу, уязвим, — спокойно заключил Югонна. — В ее доме, а также по пути к ее дому его легко убить.

— Знаю, — сказал Конан мрачно.

— Ты, наверное, и сам проделывал подобные штуки, — добавил Югонна.

— Тебя это не касается.

— Хорошо.

И Югонна замолчал.

Неожиданно варвар напрягся. Ему показалось, будто некто следил за ним из укрытия. Он огляделся по сторонам, однако никого не увидел. Кругом по-прежнему расстилалась пустыня, плоская, как блин. Видно было на много полетов стрелы. Никого — ни коня, ни человека, ни демона. Даже орел, круживший в небесах, исчез.

И тем не менее Конан явственно чувствовал чье-то присутствие. Он слишком хорошо знал, как опасно бывает пренебрегать дикарскими инстинктами, особенно когда эти инстинкты предупреждают его о приближении неведомого врага.

В пустыне, помимо врагов, обладающих зримой плотью, водятся враги незримые, вроде духов-ифритов, обитающих в глубине песков.

Но чутье говорило Конану о том, что неведомый наблюдатель — отнюдь не ифрит. Нечто иное.

Мгновение спустя ощущение пропало. Кем бы ни был этот наблюдатель, он скрылся.

Югонна заметил состояние своего спутника и осторожно осведомился:

— Что-то случилось?

— Мне показалось, — буркнул киммериец.

— Что тебе показалось? — уточнил Югонна. Теперь его голос звучал настойчиво.

— Что за нами следят, — ответил варвар. — Разумеется, это невозможно. Мне показалось.

И тут наблюдатель, кем бы он ни был, вернулся. Снова чей-то холодный, недоброжелательный взор устремился на киммерийца. Конан невольно потянулся к своему мечу, но рука его застыла на полпути.

Конан криво усмехнулся. Будь он один, поехал бы с оружием наготове. Но этот Югонна, будь он проклят!

Неожиданно Конану пришло в голову странное соображение. А что, если Югонна знает больше, чем говорит? Что, если сей затерянный в песках аристократ каким-то образом связан с невидимкой? Лучше ему не знать о том, что Конан подозревает.

Конан громко, гортанно вскрикнул и погнал коня вперед. Он торопился добраться до оазиса, но куда важнее было понять, не следует ли за ними некто незримый.

Поэтому киммериец незаметно для Югонны заставил коня описать широкий полукруг, сильно отклонившись от первоначальной цели. Если бы спасенный следил за положением солнца, он догадался бы о маневре варвара. Но Югонна скоро утратил всю свою изначальную боевитость и, казалось, жил от глотка до глотка — он подавал признаки жизни только в тех случаях, когда киммериец протягивал ему бурдюк с водой, а затем вновь впадал в полубессознательное состояние.

«Должно быть, солнце выжгло его рассудок, — размышлял Конан. — Он ничего не рассказывает о подлых предателях только потому, что не может о них вспомнить. Ложился в

постель у себя дома? Надел туфли с бабочками, чтобы побеседовать со своей матерью касательно женитьбы? И вдруг очнулся посреди пустыни? Целый кусок жизни выпал из его памяти. Такие вещи бесследно не проходят... Что-то нехорошее здесь творится».

В отличие от своего измученного спутника, Конан хорошо ориентировался по солнцу. Он видел, как петля, которую он описывает, скоро приведет их к тому месту, откуда они начали путь. Здесь он найдет разгадку кое-каким странностям, которые с некоторых пор не дают ему покоя.

* * *

Конан натянул поводья, и конь остановился. Киммериец слез с седла. Югонна заставил себя открыть глаза — в последние часы он не то спал, не то впал в бессознательное состояние.

— Конан...

— Сиди спокойно, — приказал ему киммериец. — Я не собираюсь бросать тебя в пустыне, если ты об этом.

Югонна не стал возражать — то ли от слабости, то ли оттого, что Конан правильно угадал его подозрение. Разумеется, такое поведение варвара не противоречило бы в воспаленном сознании Югонны всему прочему, что произошло с беднягой аристократом. Сперва его бросают в пустыне, оставив ему лишь домашние туфли да нелепую в своей роскоши одежду. Затем спасают. А после опять бросают на прежнем месте. Абсурд тоже может быть последовательным.

Конан присел на корточки, рассматривая песок. То, что он увидел, подтвердило его первоначальную догадку. За ними действительно следили. Некто прошел здесь совсем недавно, отпечатки на песке были еще свежими. В пустыне следы сохраняются недолго.

Но это не были следы копыт верблюда или коня. Не похожи они были и на человеческие. Это был отпечаток когтистой лапы какого-то неведомого чудовища.

* * *

Вскочив в седло, Конан направил копя прямо к оазису. Больше никаких уловок, никаких кружных путей. Киммериец спешил. Тревога всадника как будто передалась животному: конь мчался изо всех сил.

Югонна не задавал ни одного вопроса. Кажется, он вообще плохо понимал, что происходит вокруг.

Неожиданно перед глазами киммерийца рассыпались искры. Это были бледные, слабо светящиеся искры, как бы растворенный в воздухе блестящий перламутр. Видение длилось недолго; затем свечение сделалось почти совсем незаметным, зато воздух впереди сгустился и стал вязким. Конь испуганно заржал и прынул назад, приседая на задние ноги. Югонна не удержался в седле и свалился на песок. Конан натянул поводья, стараясь успокоить коня.

Но животное обезумевшими от ужаса глазами косило в сторону стеклистого марева. Несколько раз конь взвизгивал на дыбы и бил в воздухе копытами. Наконец Конан усмирил его и спешил. Конь подталкивал своего хозяина мордой и шумно фыркал.

— Мне и самому все это не нравится, — пробормотал Конан. — Но пустыня порой проделывает странные штуки. Как и море, она любит порой поиздеваться над человеком, и с этим ничего не поделаешь.

Он наклонился к Югонне, который скорчился на песке. Спутник Конана подтянул колени к подбородку и трясся, то ли от озноба, то ли от страха.

— Эй, ты! Отпрыск знатного рода! Вставай!

Югонна, казалось, не слышал его. Зубы бедняги постукивали, выбивая причудливую

дробь.

Конан хотел было вздернуть его на ноги, но тут странное свечение внутри густого воздуха привлекло внимание киммерийца.

— Кром!

Конан схватился за меч. На сей раз ничто не могло удержать его от порыва взяться за оружие. Что бы там ни думал о нем этот Югонна, Конан намерен встретить неведомое с мечом в руке. Говорят, будто призраков невозможно одолеть доброй сталью. Говорят, будто меч бессилен перед тьмой. Но киммериец не раз убеждался в обратном.

Добрая сталь обладает собственной магией, и магия эта — доблесть. И какие бы ужасы не появились сейчас из глубины перламутрового свечения посреди пустыни, Конан-варвар готов ко встрече с ними.

Сияние делалось все ярче, и скоро до слуха Конана донесся звук: как будто очень крупная птица хлопала крыльями перед тем, как взлететь. Злой орлиный клекот сопровождал это хлопанье.

Орел? Этого не может быть!

Конан на миг глянул на небо. Солнце заметно передвинулось к горизонту, но никаких птиц в небесах не было видно.

Киммериец снова перевел взгляд на сияние.

И вовремя! Стеклистая вязкая масса, в которую превратился воздух, расступилась, и, облитые перламутровым сиянием, точно водой, на песок перед киммерийцем выскочили два монстра.

Они были совершенно одинаковы, если не считать того, что один был немного темнее другого. Два огромных льва, в полтора раза больше самого крупного хищника, с гигантскими торчащими из пасти клыками, похожими на кривые туранские сабли.

Вместо обычных львиных лап у них были когтистые ноги, похожие па птичьи, и когда один из них в ярости ударил себя хвостом по ребрам, Коан увидел на копчике хвоста — там, где у обычного льва была бы кисточка, — змеиную голову с разинутой в бешенстве пастью.

Чудовища присели па песке, готовясь к прыжку. Конан зарычал так, словно сам был злобным хищником, и поднял меч. В воздух взвилось могучее львиное тело. В прыжке монстр растопырил когти. Но целил он не в киммерийца, а в Югонну. Конан понял это еще прежде, чем лапы зверя коснулись песка.

С громким боевым кличем Конан набросился на зверя, оттесняя его от своего спутника. Меч с силой опустился на длинный извивающийся хвост. Острый клинок без труда перерубил позвонки, и отсеченная от тела чудовища змея с шипеньем поползла по песку, роняя яд с клыков. Она успела отползти на половину полета стрелы, когда жизнь покинула ее.

Раненый зверь зарычал в ярости и повернулся к киммерийцу. Второй хищник присел и тоже уставился на варвара желтыми глазами, в глубине которых светился нечеловеческий злобный разум.

— Кром! — взревел Конан, набрасываясь на чудовище.

Он нанес рубящий удар, целясь зверю между глаз. Быстрый, как молния, монстр отпрыгнул и в свою очередь махнул когтистой лапой. Два когтя задели киммерийца по бедру, и он ощутил, как горячая кровь бежит вниз по ноге: эти когти были не только длинными, но и острыми, точно бритва.

Второй монстр подкрадывался к Югонне. Он явно решил не вмешиваться в схватку. Пока его собрат пытается уничтожить Конана — неожиданную помеху на их пути — он сам намерен схватить заранее намеченную жертву.

Югонна со стоном зашевелился на земле. Конан не обращал на него внимания. Он сразу понял, что в битве с жуткими тварями от аристократа толку будет немного и даже испытывал подобие благодарности к Югонне за то, что тот не пытается геройствовать. Неподвижную жертву гораздо легче спасать. Бывают такие «герои», которые решают

принять участие в сражении — и потом другие вынуждены рисковать жизнью, чтобы выручить безрассудных храбрецов из беды. Многих неприятностей удалось бы избежать, если бы люди умели оставаться пассивными в тех случаях, когда это необходимо.

Между тем Югонна с трудом поднялся на колени. Он сорвал с головы повязку, которую соорудил было из отрезанного рукава, и снял с мизинца перстень с большим гладко отполированным прозрачным камнем. Не обращая внимания на кипящую возле него битву, Югонна бросил тряпицу на песок и поднес к ней перстень.

Солнечный луч, пойманный прозрачным камнем, упал на тряпицу, и она вдруг задымилась. Югонна засмеялся сквозь зубы. Еще немного — и тряпица вспыхнула.

Между тем Конан успел отсечь первому монстру одну лапу. Зверь, отчаянно завывая, откатился прочь. На песке остались ярко-красные следы звериной крови. Кровь хлестала из разрубленной лапы так обильно, что это казалось чудом.

Второй монстр пришел на помощь собрату. С утробным рычанием он прыгнул на варвара. Конан был готов к этой атаке и встретил чудище ударом меча. Клинок рассек гриву монстра, не причинив самому зверю никакого вреда. Пока Конан разворачивался для нового удара, зверь уже нацелил на него змею, и киммерийцу пришлось спешно отступать. Он не слишком боялся когтистых лап и зубастых пастей; но змеиный яд — другое дело. Оказаться отравленным посреди пустыни, где нет никаких противоядий, означало бы верную смерть.

Змея пролетела совсем близко, не задев щеки киммерийца лишь чудом. Конан ощущал ее зловонное дыхание, слышал разочарованное шипение. Зверь подпрыгнул и, перевернувшись в воздухе, приземлился на все четыре лапы. Его пылающие глаза смотрели прямо на киммерийца. Глухое рычание зародилось в брюхе существа, и оно разинуло пасть.

Конан отчетливо видел клыки-сабли и засорявшие между зубами зверя кусочки полусгнившей плоти.

Киммериец видел, куда вонзил меч. Он смотрел па обнажившееся фиолетовое нёбо зверя и знал, что клинок, войдя прямо туда, воткнется в мозг чудища.

Но зверь как будто читал мысли своего врага. Он с лязгом захлопнул пасть и в последний миг снова нанес удар лапой.

Конан выбросил вперед руку с мечом, и когти заскрежетали по стали. Один коготь был перерублен, зато удар звериной лапы оказался настолько мощным, что киммериец выронил меч.

Варвар тотчас бросился на песок ничком и откатился в сторону. Следующий удар пришелся на пустое место. Смертоносные когти взрыли песок, взметнули вверх целую тучу пыли.

От разочарования зверь зарычал, широко разевая пасть. Раненое чудовище между тем зализало обрубок, оставшийся на месте отсеченной лапы. Культия перестала кровоточить, и там, где зияло обнаженное мясо, уже появилась тонкая серая кожица. Рана зарастала прямо на глазах, хотя новая лапа у монстра, кажется, пока не появлялась.

Конан быстро оглянулся на второго монстра. Если так будет продолжаться, то долго он не продержится. Между тем безлапый, хромая, направился к Югонне. Он не отступился от своей изначальной цели.

Киммериец больше не сомневался в том, каковы истинные намерения обоих зверей. Они охотились на его спутника. Они охотились на него с самого начала. И, кем бы они ни были и кому бы они ни служили, они каким-то образом связаны с тем, как Югонна очутился посреди пустыни.

Все эти мысли пролетели в голове у варвара, когда он начал подбираться к своему мечу, выпавшему у него из руки. Однако чудища недаром были наделены рассудком. Одно из них сразу же догадалось о намерении своего врага и встало так, чтобы киммерийцу было не схватить меч. Прежде чем Конан сумеет взять оружие, ему придется разорвать монстра голыми руками.

Киммериец вскочил па ноги и яростно взревел:
— Кром!

В это мгновение он ощущал себя не менее диким, чем напавшие на него существа.

Монстр присел. В желтых глазах чудовища вспыхнула радость. Он предвкушал последнюю схватку, в которой у человека будет очень мало шансов.

Но прыгнуть на своего врага чудовище не успело. Безмолвно, как атакующая змея, Югонна метнулся к жуткому зверю. В руке у аристократа дымилась подожженная им тряпица. Выкрикивая какие-то странные ругательства, Югонна взмахнул тряпицей, точно знаменем, и все вокруг заволокло едким дымом. Конан тряхнул головой, как недовольный пес, и заворчал, но тут же замолк, когда увидел, какое впечатление произвел этот маневр на обоих монстров.

Они отступили и, улегшись на песке, принялись жалобно скулить и мотать головами. Из их широко раскрытых желтых глаз потекли обильные слезы.

— Бей их сейчас! — отрывисто бросил Конану Югонна. — Бей их, пока они слепы!

Он снова махнул тряпкой.

— Я сам сейчас ослепну! — рявкнул варвар, бросаясь к своему мечу.

Югонна шел за ним следом, не переставая водить по воздуху тряпкой. Сам аристократ отчаянно закашлялся, когда случайно глотнул дыма, но своего «оружия» из руки не выпустил.

— Проклятье! — закричал Конан. — Ну что, твари, берегитесь!

Первым ударом он добил изувеченного, а затем взялся за второго и для начала избавился от змеи на его хвосте. Обезумевший от страха и внезапно объявившей его темноты зверь, метался по песку взад-вперед, проделывая не более десяти шагов в обе стороны и не решаясь вслепую броситься наутек.

Конан преследовал его молча. Югонна с дымящейся тряпкой в руке смотрел на своего спасителя. Движения варвара были такими же точными и полными грации, как движения любого дикого зверя, хищника, привыкшего убивать добычу. В них угадывалось врожденное благородство.

В несколько прыжков киммериец настиг монстра. Зверь еще пытался обороняться и рычал, оскалившись, но Конан одним мощным ударом отрубил ему голову. Затем выпрямился, обтер лицо краем одежды и сильно пнул гривастую голову зверя. Она откатилась далеко от туловища и пропала за барханом.

Конан перевел дыхание. Он постоял немного над обезглавленным туловищем, а затем широким шагом направился ко второму труп. Этот зверь больше не двигался, его глаза уже остекленели, а вокруг натекла лужа крови. Но Конан решил не рисковать и тоже отсек ему голову. Варвар наклонился и схватил отрубленную голову за гриву.

Зачем? — хрипло спросил Югонна.

— Они выскочили ниоткуда, — ответил Конан. — Ты видел, как они появились?

— Кажется... нет.

Югонна бросил тряпицу на песок и затоптал ее, а потом и засыпал песком, чтобы избавиться от удушливого дыма.

— Ты уверен, что не видел их появления? — настойчиво повторил варвар.

— Уверен. Я был без сознания, — сказал Югонна.

— Ладно, тогда я расскажу тебе. — Варвар огляделся по сторонам в поисках своего коня, но животное, напуганное схваткой с монстрами, убежало. Конан несколько раз пронзительно свистнул и криво улыбнулся: — Будем надеяться, что глупая тварь услышит мой призыв и вернется. Не то его ждет бессмысленная гибель в песках. Ладно, слушай, Югонна. Мы с тобой ехали по направлению к оазису, а за нами кто-то наблюдал. Я знаю это точно, потому что всегда чувствую подобные вещи.

— Понимаю, — кивнул Югонна.

Невозмутимый и отчасти важный вид аристократа взбесил киммерийца.

— Понимаешь? — переспросил он издевательским тоном. — Вот и хорошо, что понимаешь. Не знаю уж, кто там за нами следил, но охотился он за тобой. Надеюсь, ЭТО ты понимаешь тоже.

— Ну... да, — сказал Югонна.

— А потом воздух превратился в кисель, и твари вылезли оттуда, как по волшебству, — с кислой миной продолжил Конан. — У тебя есть какие-нибудь объяснения, коль скоро ты все понимаешь?

— Нет, — промолвил Югонна. — Я не в состоянии растолковать случившееся. Пока.

— Пока? Стало быть, потом ответы у тебя появятся? Хорошо бы это случилось поскорее...

— Я тоже этого хотел бы, поверь, — сказал Югонна.

— Они охотились за тобой.

— Я не стал бы утверждать это наверняка. Но... нам стоит поторопиться.

— Сперва подождем, не вернется ли конь. Пешком мы далеко не уйдем.

Югонна пожал плечами. Он изо всех сил старался держать себя в руках, но Конан видел: спокойствие аристократа напускное. Он то и дело озирался по сторонам, прислушивался, нервно потирал руки.

— За тобой кто-то гонится? — спросил Конан.

— Нет... почему ты так решил?

— Потому что ты испуган.

— Конан, я испуган потому, что видел этих монстров. Они пытались убить нас... не говоря уж о том, что я понятия не имею о причинах своего появления в этой пустыне. Неужели этого недостаточно?

Киммериец не ответил. Он подождал немного, а затем резко хлопнул в ладоши. Югонна так и подскочил. Конан невесело засмеялся.

— Все-таки ты боишься.

— Я этого, кажется, не отрицал, — сердито проговорил Югонна. — Хватит потешаться надо мной.

— Нет ничего смешнее раздетого франта посреди пустыни, — заявил Конан. Он размахнулся и бросил гривастую голову далеко прочь.

— Давай пойдем. Чем дольше мы стоим, тем больше времени потеряем.

— Подождем еще немного. Конь мог убежать достаточно далеко.

Югонна сделал шаг, словно намеревался пойти дальше один, но затем замер на месте и прислушался. Слабая улыбка показалась на его лице.

Конан тоже услышал ржание коня и оглянулся. Умное животное вернулось. Конан подбежал к нему, погладил по морде.

— Молодец.

Он снял притороченный к седлу бурдюк — изрядно похудевший за последние несколько часов — и отпил сам, после чего позволил напиться своему спутнику.

— Солнце скоро сядет, и в воде уже не будет такой надобности, а к середине ночи мы будем в оазисе, — пояснил киммериец. — Так что не считай глотки. Просто взбодрись, нам еще ехать и ехать.

Югонна так и поступил. Когда Конан забрал у него бурдюк, вода булькала только на дне.

Оба путника уселись в седло и двинулись дальше. Как и говорил Конан, до оазиса еще оставалось значительное расстояние.

* * *

Скоро Югонна вновь впал в полузабытье. Тяжелые мысли ворочались в голове у Конана. Ему все меньше и меньше нравилась история, в которую он против своей воли ввязался. В том, что Югонна отчасти говорит правду, Конан не сомневался. Вероятно, аристократ действительно в последний раз помнил себя в собственном доме, в спальне, а переезд в пустыню остался для него загадкой. Здесь он не лжет. Ни один, даже самый

изошренный лжец, не наденет такую обувь для путешествия по пустынной местности.

Вспомнив злосчастных бабочек на туфлях своего спутника, киммериец не смог сдержаться и насмешливо фыркнул. Да уж! Выдумают же такое!..

А вот появление жутких тварей из пустоты... здесь Югонна явно что-то недоговаривал. Он несомненно встречался с подобными существами и прежде. В противном случае откуда бы Югонне знать, что от дыма монстры задыхаются, слепнут и становятся на какое-то время совершенно беспомощными?

Кто он такой, этот Югонна? Почему за ним охотятся? Что им нужно от этого человека? И кто такие эти непонятные «они»?

Опять загадка — и Конан в самом ее центре.

Глава вторая

Вести о странной женщине

Рогатый месяц показался на черном небосклоне и увенчал собою ночь. Стало прохладно. Раскаленные пески пустыни нехотя отдавали свой жар. Усталый конь взбодрился и пошел быстрее. Даже Югонна очнулся от своего полузабытья и уселся за спиной Конана прямо — в последние несколько часов чужак бессильно наваливался на своего спутника, как будто жизнь окончательно оставила его.

Оазис появился перед путешественниками среди ночи. В первые мгновение, как всегда, он предстал почти невозможным видением. Казалось невероятным, чтобы после бесконечных песков вдруг перед глазами вырос настоящий город. И тем не менее все это существовало в действительности: и обильная роща финиковых пальм, и десятки домов, белеющих в ночном мраке, и приветливые огни караван-сарая, и рослые стражники в тяжелых халатах, с саблями за поясом, охраняющие водопой.

Почувяв близость воды, конь заржал и помчался во весь опор, больше не чувствуя на себе тяжести двойной ноши.

Югонна восторженно вскрикнул.

— Это мне не чудится? — спросил он хрипло.

— Нет, — ответил киммериец. — Мы прибыли. Это оазис Шахба. Здесь можно передохнуть, пополнить запасы, а потом отправляться дальше в путь... Надеюсь, — прибавил он, — у тебя водятся деньги, потому что хозяева оазиса — люди жадные и требуют платы решительно за все, даже за клочок неба над головой, ведь это их собственный клочок неба.

— Их можно понять, — мягко промолвил Югонна. — Ведь здешняя вода — единственный источник их богатства.

— Не спеши оправдывать этих акул, — возразил Конан. — Они способны дать умереть тебе от жажды прямо возле их ног, если ты не в состоянии заплатить за глоток воды.

— Неужели это правда? — удивился Югонна.

— Да. Хотя обычно у человека всегда что-нибудь да находится. Близость смерти обостряет сообразительность... Но мне бы не хотелось платить за тебя, вот что я хотел, собственно, сказать, Югонна.

— Не беспокойся, — по голосу Югонны Конан понял, что тот улыбается. — Тебе не придется выкладывать ни монеты. У меня есть деньги.

Ночная тьма придавала пейзажу какую-то эпическую торжественность. Финики свисали большими гроздьями. В просторных вольерах, разбуженные чужаками, завопили обезьяны, привезенные сюда специально для сбора урожая: в здешнем оазисе традиционно использовали для подобных работ животных. И хотя обезьяны съедали часть собранного, все же их хозяева оставались не в накладе. Наем работников обошелся бы куда дороже.

Для Югонны все это было в новинку. Он молчал, озираясь по сторонам и жадно

впитывая новые впечатления. Конан мимоходом отметил про себя: какие бы испытания ни пережил этот человек, он все же не утратил способности интересоваться окружающим и даже удивляться. Признак сильного характера.

Конан подошел к источнику. Стражи повернулись к нему. Это были рабы откуда-то из Южных Королевств, чернокожие, огромного роста, неподкупные, неспособные внимать ни уговорам, ни лести, ни слезам. Они знали лишь один язык — язык денег, как и предупреждал Конан.

Длинные копья в их руках шевельнулись, готовые направиться в грудь незнакомцам.

Конан протянул одному из стражей пару монет, а его спутник снял с мизинца ноги перстень и добавил свою ленту. Стражники переглянулись, в лунном свете белки их глаз блеснули. Не сговариваясь, молча, они расступились, пропуская путников к воде.

Конан дал напиться коню, после чего пополнил запас в бурдюке и только затем выпил сам. Югонна терпеливо ожидал, пока настанет его очередь, хотя и дрожал всем телом в нетерпении. И снова Конан поразила его выдержке. Югонна не проронил ни слова. И хотя каждая частица естества незнакомца рвалась к воде, он продолжал сохранять невозмутимость.

— Здесь есть постоянный двор, — обратился к нему Конан. — Можно заночевать там. Немного шумно, когда там останавливается караван, но в целом сносно. И можно поесть и купить в дорогу лепешек и сушеного мяса. Кстати, постоянные дворы здесь называются «сарай», имей в виду.

— Хорошо, — кивнул Югонна.

— Я рассказываю тебе все это потому, что намерен здесь с тобой распрощаться, — объяснил киммериец, пока они шагали по направлению к караван-сарая.

Найти это здание оказалось совсем просто: оно единственное было построено из камня, а не из пальмовых листьев и комьев глины, и к тому же ярко освещено, несмотря на поздний час.

Югонна почти не слушал. Он смотрел на длинный дом с множеством крохотных прорезей-окон на фасаде, как будто пытался вопрошать его: какая здесь ожидает его судьба?

Идти босиком по прохладному песку было приятно. Но что ждет Югонну утром, когда солнце раскалит пески? Нежные ступни растрескаются, начнут кровоточить, и это убьет его скорее, чем вражеская стрела.

— Кстати, купи себе сапоги, — прибавил Конан хмуро. — Спроси харчевника, он посоветует, как это сделать.

— Так и сделаю.

Они вошли в широко раскрытые ворота и очутились во дворе. Здесь все кишело: верблюды, кони, ослы, наваленные горой тюки с товаром, сундуки, носилки, которые обычно возят на двух верблюдах, повозки и телеги — все это загромождало двор. Некоторые животные флегматично жевали, поглядывая по сторонам, иные беспокойно трясли головами и принимались кричать при первом же случае.

На кучах тюков полулежали стражники с обнаженными саблями. Они болтали, жевали какую-то одурманивающую жвачку и тупо смотрели на проходящих мимо путников. Впрочем, насколько знал Конан, при первом же признаке опасности они хватились за оружие и разили подозрительного человека с безрассудной отвагой.

— Не смотри на них, — прошептал киммериец своему спутнику. — Иначе они решат, что ты оцениваешь их товар и пытаешься что-то украсть. А если им придет такое в голову, они не станут ни о чем спрашивать и просто-напросто убьют тебя.

— Но я ведь даже не приближаюсь к ним, — шепнул в ответ Югонна. — Зачем же им убивать меня?

— Посмотри на их глаза. Они одурманены своим зельем, для них доводы рассудка — ничто, и страха для них тоже не существует. Имей это в виду, когда будешь странствовать по здешним краям.

— Хорошо, — кивнул Югонна и больше не проронил ни слова.

Они пробрались ко входу в само здание. Оно было одноэтажным и не имело обычного для постоялых дворов разделения на общий зал и отдельные комнаты для постояльцев. Единственное помещение представляло собой и общий зал, и место для ночлега. Дальше от очага спали более богатые путешественники — их не тревожили бесконечные хождения взад-вперед других постояльцев и ночные трапезы. Бедняки лежали вповалку ближе к проходу.

Конан привязал коня у пустой коновязи и засыпал ему зерна в кормушку. Югонна покосился на Конана, и киммериец объяснил:

— Хочешь спросить, почему эти рвачи не взяли с меня деньги за зерно?

Югонна улыбнулся.

— Ты читаешь мои мысли, киммериец.

— Когда я говорил, что здесь позволят человеку умереть от голода и жажды, я имел в виду именно это, — сказал Конан. — Человек стоит в пустыне недорого, и его жизнью действительно не дорожат. Другое дело — лошадь. Коню позволят напиться даже без денег, и накормить его можно тоже бесплатно. А вот если бы я взял горсть зерна для себя самого — тут, поверь мне, тотчас набежали бы блюстители и начали бы выворачивать мой кошелек.

— В каждой стране свои обычаи, — произнес Югонна. Конан понял, что с помощью этой фразы его новый знакомец удержался от осуждающих замечаний в адрес обитателей оазиса.

Хозяин заведения не спал. Если бы его постояльцы были более внимательны к людям, они непременно задались бы вопросом: а когда он вообще спит? В любое время 'суток его можно было застать бодрствующим.

Объяснение этому имелось, и очень простое. Много зим назад хозяин приучил себя спать урывками, в любой момент, когда удастся прикорнуть.

Кроме того, он пользовался различными снадобьями для бодрости духа.

Оглядев Конана и его спутника, хозяин удовлетворенно хмыкнул.

— Все лучшие места уже заняты, так что придется вам ночевать возле самого очага, — предупредил он. — Зато я могу хорошо накормить вас. Кажется, деньги при вас водятся. Знаете, — словоохотливо добавил хозяин, — всегда ведь заметно, при деньгах человек или с дырой в кошельке. Осанка другая...

Конан протянул ему три серебряных монеты.

— Это за меня, — сказал киммериец в ответ на вопросительный взор хозяина. — Подай мне мяса и, если найдешь, вина. Кроме того, я хочу купить кое-чего в дорогу.

— Здесь мало для оплаты за двоих, — взор хозяина прояснился. — Но если у второго господина есть чем оплатить свое содержание...

Югонна ловко распахнул шелковую рубаху и открыл пояс, туго схватывающий его талию.

— Здесь у меня кое-что сохранилось, — сказал он. — Я хочу побыть в одиночестве, поэтому подай мне, что найдешь съестного на своей кухне, вон в тот угол. А я тем временем достану монеты.

— Понимаю, — кивнул хозяин. — Иной раз на то, чтобы вытащить деньги, требуется время. Но если ты обманул и денег у тебя нет...

— То ты продашь меня в рабство, — заключил Югонна, улыбаясь уверенно.

— Нет, просто убью, — ответил хозяин так спокойно, что у Югонны мороз пробежал по коже.

Конан оценил деликатность случайного знакомого. В разговорах киммериец не раз упоминал при нем о том, что избрал путь через пустыню именно для того, чтобы избавиться от всякой компании. И теперь, едва только они добрались до оазиса, Югонна спешил освободить Конана от своего общества.

Киммериец уселся возле очага, скрестив ноги, и скоро ему подали большой кусок плохо прожаренной баранины и кувшин с разбавленным вином. Конан принялся за позднюю трапезу.

Он уже совсем было выкинул из головы Югонну со всеми его загадками, как вдруг хозяин подсел к киммерийцу и доверительно проговорил:

— А знаете, господин варвар, что я вам скажу...

Конан поднял на хозяина убийственный взор. Более догадливый человек давно бы убрался прочь, встретившись с таким взглядом, но хозяин был не из таковских. У него имелось, что сообщить киммерийцу, и он не уйдет, не выполнив задуманного. Как все трактирщики, он был любопытен.

— Чудно одет ваш приятель, — продолжал хозяин.

— Да, одежда странная, — согласился Конан с набитым ртом.

— Совсем не для пустыни, верно?

— В самую точку.

— И босой. У него была хоть какая-то обувь?

— С бабочками, — лаконически ответил Конан.

— И что с нею стало?

— Улетела.

— Понятно... — Хозяин вздохнул, оглянулся на Югонну. Тог пил кислое молоко и жевал лепешки, обмакивая их в чашку с молоком, и явно не подозревал о том, что харчевник с киммерийцем обсуждают его.

— Что-то с ним не так? — спросил Конан.

— Просто не возьму в толк, как такой человек, как вы, оказались в столь странной и неподходящей компании.

— Это уж не твое дело, — сказал киммериец.

— Как знать, — ответил хозяин, поднимаясь. — А только тут была пару дней назад женщина.

— О! — вымолвил Конан. — Странно!

— Она путешествовала одна.

— Действительно странно. Хотя и такое случается.

— И одета была похоже.

— С бабочками?

— Вы мне не верите, — зашептал хозяин, то и дело косясь в сторону Югонны, — а ведь я правду говорю. Чудная была, вроде этого, который с вами приехал. Глазищи на пол-лица, темные, а сама бледная, как молоко. Платье — как у него рубаха, пояс под грудью, а когда ходит — видны штаны, и тоже с пузырями сверху, как бы подвязанные... Вот в точности как у него.

— Может быть, сейчас такое в моде где-нибудь в Аквилонии, среди тамошних аристократов, а мы здесь сидим посреди пустыни и ничего такого не знаем, — возразил Конан.

Харчевник с хитрой улыбкой покачал головой.

— За кого вы меня принимаете, господин варвар? Уж я-то хорошо знаю, что и где нынче в моде. Через мой караван-сарай проходят сотни торговцев, каждый со своим товаром. Они везут шелка и пряности, и готовое платье, и украшения... И все любят поговорить. Такой уж народ — болтливый. Рассказывают, что выгодно продавать, а что не окупится, будь товар хоть трижды хорош. Нет такой моды — штаны с пузырями и рубаха с прорезями почти до пят. Нигде нет. И ни один торговец такой одежды не везет. Да и сам этот шелк... Вы к нему хоть приглядывались?

— Не было времени, — отрезал киммериец.

— И напрасно! Роспись ручная, я такой не видывал. Без трафаретов, понимаете? Как будто художник рисовал. Или каллиграф.

— Не вижу в этом ничего особенного. Кхитайские богачи любят такие вещи.

— Любят! Но роспись не кхитайская. Уж это-то вы могли бы заметить. И шелк слишком плотной выделки. Такого тоже сейчас не делают. Во всяком случае, я не встречал.

— Мало ли чего ты не встречал, — проворчал Конан. — У меня была любовница,

воровка и акробатка, женщина всяческих достоинств, — ее ты тоже, полагаю, не встречал.

— Зонара? — улыбнулся караванщик. — Нет, ошибаетесь, любезный: ее я встречал пару раз...

Конан только развел руками.

Хозяин, довольный тем, что последнее слово осталось за ним, отошел от киммерийца, предоставив тому в одиночестве дожевывать мясо, а заодно и осмыслять полученные сведения.

Ничего нового Конан, собственно, о своем спутнике не узнал. Одежда странная? Не заметил бы этого только слепой.

А вот наличие некоей женщины, одетой похожим образом, удивило киммерийца по-настоящему.

И если такой моды действительно нет нигде в Хайборийском мире, значит, эта женщина каким-то образом связана с Югонной...

Конан достал из кошелька монету и положил рядом с кувшином.

Хозяин тотчас появился рядом и услужливо улыбнулся. Он поклонился киммерийцу:

— Что угодно господину?

Когда хозяин выпрямился, монета уже исчезла. Конан восхитился ловкостью, с которой это было сделано.

— Расскажи еще про ту женщину.

— Про какую женщину?

— Не притворяйся! — рыкнул киммериец. — Ты понял, о ком я спрашиваю.

— А, про ту — бледную, в чудном наряде... — Трактирщик задумался. — Ничего особенного. Расплатилась драгоценностями. Отдала кольцо с камнем. Простое колечко, но камень хорош. Денег у нее при себе не было. Впрочем, она бы и телом могла бы расплатиться, охотники бы нашлись... И вот еще что. Конь у нее был такой же чудной, как и она сама. Или верблюд? Тут уж все сбежались поглазеть.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурился Конан.

— Имею в виду чудного верблюда, — упрямо повторил хозяин. — Размером он точно был с верблюда. Ноги мощные, копыта раздвоенные и лохматые сверху, понимаешь? Вот эдакие. — Он растопырил пальцы руки. — А шея длинная, длинней, чем надо. Раза в полтора длинней, думаю. И голова крупная, мясистая, а глазки маленькие и почти без ресниц. Мы его хорошенько рассмотрели, этого зверя. Он сперва зерно брать не хотел. Как будто никогда прежде зерна не видел. Потом, правда, распробовал. И даже понравилось ему. Станный, говорю тебе.

— Все это странно, — промолвил Конан.

Хозяин подмигнул ему и отошел.

Киммериец скоро растянулся прямо там же, где сидел, заложил руки за голову и заснул крепким сном без сновидений.

* * *

Между тем Югонна все не знал, на что ему решиться. Он покончил с трапезой и наконец снял пояс. Как он и говорил Конану, прежде чем очутиться в пустыне, он находился у себя дома, в спальне. В поясе этом он носил несколько монет на счастье, согласно обычаю, принятому в семье. Когда мать преподносила Югонне пояс, она объяснила:

— Ты никогда не должен расставаться с этой вещью. В пояс зашито десять монет. Таков обычай. И хотя мы давно уже утратили нужду в том, чтобы постоянно иметь под рукой деньги, память об этом не умрет. Наши предки построили благосостояние семьи благодаря тому, что всегда могли расплатиться за услуги. И пояс — напоминание об этом.

— Я понял, — кивнул Югонна.

Странно, что слова матери сбылись буквально. Югонне никогда и в голову не

приходило, что пояс с монетами может стать чем-то большим, нежели просто символ.

Он вытащил золотую монету и положил ее на ладонь. Она была красива, в своем роде совершенна: треугольная, исписанная знаками на одной стороне и украшенная изображением сидящей богини — на другой.

Эта монета поможет ему расплатиться за ночлег и еду. А что ожидает его дальше? Куда ему отправиться? Где его дом? Югонна даже приблизительно не представлял себе, в какую сторону ему направиться...

Краем уха, он уловил обрывок разговора Конана с хозяином. Те, очевидно, считали Югонну чем-то вроде слабоумного, потому что обсуждали его самого в его же присутствии и даже не считали нужным понизить голос.

Он услышал: «... чудная одежда... женщина, одетая так же... и верблюд странный, с длинной шеей...»

Югонна поднял руку, подзывая хозяина. Тот приблизился, встал рядом, всем своим видом выражая готовность услужить.

— О чем вы только что говорили с киммерийцем? — требовательно спросил Югонна.

— Но, господин, вряд ли тема нашего разговора может заинтересовать вас, — харчевник отвел взгляд.

— Если я спрашиваю, значит, меня это интересует, — возразил Югонна.

— Господин, — твердо произнес харчевник, — я не могу пересказывать вам то, что говорил другому постояльцу. Это невежливо по отношению к нему.

— Да? — Югонна прищурился. — А обсуждать мой внешний вид и мои манеры в моем же присутствии — это, по-вашему, вежливо?

— Если мы и делали это, то без всякого недоброжелательства.

— Вот как? Коли вы оба такие мои доброжелатели, то и скрывать вам нечего, так что выкладывай правду.

Югонна раздвинул пальцы, и в просвет мелькнул золотой отблеск монеты, которую он накрыл ладонью при приближении хозяина. Глаза у харчевника загорелись ответным блеском. Он опять поклонился своему гостю.

— Кажется, я увидел что-то блестящее.

— Точно.

— Возможно, я могу рассказать кусочек нашей беседы. Так, самый незначительный и невинный. Ничего особенного и уж конечно никакого недоброжелательства.

— Сделай милость.

— Я говорил, что видел женщину, одетую похожим образом. Мода, видите ли, весьма странная. Обращает на себя внимание. И женщина эта ехала на верблюде со слишком длинной шеей и, что странно, с маленькими глазками. У верблюдов, если вы имели удовольствие наблюдать их, глаза обычно большие, как у красивой женщины.

— Выпученные, ты хотел сказать?

— Выпученные? Я хотел сказать — большие, — харчевник выглядел оскорбленным, как будто замечание касательно глаз верблюдов чем-то его задело. — Словом, вот такой странный был у нее скакун. А одежда точно как у вас, только женская — рубаха длинная.

— Куда она направлялась? — спросил Югонна.

— В сторону караванной тропы на Кхитай.

— Благодарю. — Югонна сжал пальцы, поднял руку с монетой и повернул ее ладонью вверх. — Надеюсь, золотого хватит для того, чтобы окупить все расходы на мою персону и беспокойство, мною причиненное.

— И заботы о вашей безопасности, — подхватил харчевник. Но когда Югонна подал ему монету, харчевник отшатнулся в ужасе, словно увидел гремучую змею.

— Что это?

— Ты о чем? — Югонна удивленно уставился на хозяина. — Что тебя так испугало?

— Это. — Хозяин показал на монету. — Что это такое?

— Деньги.

— Это что угодно, только не деньги! — выкрикнул хозяин, дрожа. — Уберите эту отвратительную штуку!

— Ты с ума сошел, любезный! — Югонна повысил голос и теперь разговаривал с харчевником так, словно тот был его слугой, в чем-то провинившимся. — Что ты называешь «отвратительной штукой»? Это ведь золотой!

— Да пусть он хоть из чистого алмаза, — пробормотал хозяин. — Треугольник. Проклятый символ. Кто ты такой? Кто ты, а? Ты, с твоими штанами жуткого вида, с твоей странной рубахой без рукава — это такая мода, да?

— Нет, рубаха пострадала во время путешествия, — криво усмехнулся Югонна.

Но трактирщик продолжал смотреть на него с ужасом и отвращением.

— Кто ты такой? — повторил он шепотом. — Почему твои деньги треугольные?

— Объясни для начала, что дурного в треугольной монете, — попросил Югонна.

— Я поклоняюсь солнцу, — ответил хозяин и нарисовал круг в воздухе. — Митра — мой бог, тот, кому я возношу мои молитвы, кому вверяю мою судьбу. Здесь, в пустыне, солнце — жестокий и требовательный бог. Это не такое божество, к которому можно относиться легкомысленно. Солнце в состоянии убить тебя одним лучом. Ни один человек в здравом уме, обитая посреди пустыни, не станет оскорблять такого бога. Если солнцу станет неуютно мое поклонение, оно выпьет наш источник вод, и мы погибнем. Мы все погибнем! А ты предлагаешь мне монету в форме треугольника! Да это же кошунство!

Плюясь и делая пальцами знаки для отвращения беды, хозяин отошел от Югонны. Отступая, он пятился спиной вперед в опасении — как бы опасный незнакомец не наслал на него каких-нибудь жутких чар.

И потому не заметил, как очутился возле спящего киммерийца.

Когда о Конана споткнулись, он тотчас пробудился. С проклятьем схватился за оружие и вскочил. При этом хозяин сильно стукнулся лбом и не удержал равновесия, так что они с Конаном, сплетясь, снова рухнули на пол — на сей раз оба. Конан сомкнул ручищи на шее хозяина и прорычал:

— Почему ты напал на меня?

Но полузадушенный хозяин не в состоянии был вымолвить ни слова.

Конан выпустил его. Харчевник закашлялся и не мог прийти в себя довольно долго. Наконец он прохрипел:

— Прости. Я тебя не заметил.

— Меня? Не заметил? — изумился огромный киммериец.

— Да, потому что я шел спиной вперед.

— Он боялся, что я запущу в него чем-нибудь тяжелым, — подал голос Югонна, приближаясь.

Завидев его, хозяин дернулся, как будто хотел бежать, но Конан удержал его на месте.

— В чем дело? — осведомился киммериец. — Коль скоро мне помешали спать, я желаю знать причины. Да говорите поживей, вы оба, иначе я придушу вас по очереди.

Он встряхнул хозяина за плечо. Тот послушно начал:

— У него треугольные деньги. Я таких никогда не видел.

— Покажи, — велел Конан Югонне.

Тот, пожав плечами, протянул киммерийцу монету. Конан взял ее, повертел в руке, попробовал на зуб.

— Золото, — определил киммериец. — Довольно красивая. Работа искусная. Сразу видно, что монета большого достоинства. Интересно, кто такие чеканит?

— Князь Лемуан, — сказал Югонна. — Разве ты не умеешь читать?

Он перевернул монету, лежавшую на широкой ладони Конана, и показал значки.

— Не на всех языках, — буркнул Конан. — Что за князь Лемуан? Впервые слышу такое имя.

— Я же говорил! — вставил хозяин. — Все это весьма подозрительно.

— А? — Конан посмотрел на харчевника так, словно видел его впервые. — Больше

тебе нечего сказать? В таком случае, ступай. Ты мне прискучил.

Он отпустил хозяина, и тот почти мгновенно исчез. А Конан устался на Югонну с интересом.

— Чем же ты так перепугал его?

Югонна уселся рядом с киммерийцем.

— Похоже, не судьба нам с тобой расстаться, Конан, — заговорил он.

Конан нахмурился.

— Почему? Кажется, мы договорились, что начиная с оазиса каждый пойдет своей дорогой.

Югонна как будто не заметил этих слов.

— Скажи, Конан, как тебе поправились мои деньги?

Киммериец поднес к глазам золотой треугольник и долго смотрел на него. Затем перевел взгляд на Югонну:

— Это золото, вот и все, что я могу тебе сказать. Золото очень хорошего качества, добавлю как человек, имевший много дел с этим желтым металлом. Какую форму ему ни придай, оно останется золотом. И наверняка есть место, где эти монеты принимают с большим удовольствием.

— Да, — серьезно подтвердил Югонна. — Там, откуда я родом, на такую монету можно купить очень красивую наложницу, или породистую лошадь, или несколько книг в кожаном переплете, или десять, а то и пятнадцать мешков отборного зерна... Продолжать?

— Я понял, — кивнул Конан. — Осталось только найти то место, откуда ты родом, и предъявить деньги. Впрочем, золото обладает способностью находить себе друзей в любой местности.

Как выяснилось — нет.

— Наш хозяин поклоняется солнцу, — возразил Конан. — Его религиозные принципы очень сильны и обладают одной неприятной особенностью, которая вообще свойственная религиозным принципам: они зачастую берут верх над здравым смыслом.

— А у тебя не так?

— Нет, — сказал Конан. — Мой бог — Кром, а Крому нет никакого дела до людей и уж тем более — до того, какую форму они придают своим монетам.

— В таком случае, я хотел бы нанять тебя, — сказал Югонна. — У меня есть еще девять таких монет, и ты получишь по крайней мере половину, если доведешь меня до караванной тропы на Кхитай.

— Зачем тебе туда?

— Если верить нашему хозяину, именно в том направлении ехала женщина, одетая по той же моде, что и я.

Конан вздохнул. В конце концов, все обернулось именно так, как он и предвидел. И даже если Югонна сперва вел себя совершенно неожиданным образом, то в конце концов сделал то, что от него ожидалось с самого начала: попытался нанять Конана в проводники.

И, естественно, Конан не нашел в себе сил отказаться: Югонна предлагал хорошие деньги. А кроме того — киммериец не хотел себе признаваться в этом, но это было именно так, — некая тайна, окружавшая Югонну, становилась все интересней и дикарское любопытство киммерийца с легкостью победило осторожность.

— Ладно, — пробурчал Конан. — Я согласен. В конце концов, до кхитайской караванной тропы не так уж и далеко. Там ты встретишь какой-нибудь большой караван и сможешь присоединиться к нему. Только придется купить тебе лошадь — мой конек явно не в восторге от того, что сегодня мы ехали на нем вдвоем.

Югонна сжал плечо Конана и отошел на свое место возле очага, где и заснул, так безмятежно, словно ночевал не в караван-сараях, среди чужаков, посреди безводной пустыни, а у себя дома, в той самой шелковой постели, где устраивался на ночлег накануне — до того, как начались его приключения.

Глава третья

Похождения разбойника

Разбойник Ширкух не спешил. Он промышлял в этих песках уже второй десяток зим и до сих пор не знал неудачи. Его жертвами становились одиночки, отбившиеся от караванов, гонцы, отчаянные малые, отправившиеся в странствия в поисках счастья... Всех их ожидал один и тот же конец: неожиданно из-за бархана перед ними появлялся Ширкух, красивый, рослый, смуглый, с белозубой улыбкой на лице. Один взмах сабли — и бездыханное тело валится на пески, захлебываясь кровью.

Иногда добыча Ширкуха оказывалась богатой, иногда — ничтожной, но он не пренебрегал ни одним встречным. Это позволяло ему процветать.

О нем ходили самые разные слухи. Никто из встретившихся с Ширкухом не оставался в живых, чтобы рассказать остальным — как выглядит легендарный разбойник, каков его обычай.

У него не было своей шайки. Он охотился как волк-одиночка, чтобы ни с кем не делиться ни опасностями, ни добычей.

А этот путник вообще представлялся Ширкуху недостойным даже того, чтобы всерьез размышлять над тем, как лучше нанести удар. Казалось, нет ничего проще: просто подъезжай к нему и бери голыми руками.

Ширкух заметил его на закате. По пескам шел немолодой мужчина. Все в этом человеке было странным. Возможно, кто-нибудь и насторожился бы, приметив столь необычную фигуру посреди пустыни, но только не Ширкух: знаменитый разбойник считал ниже своего достоинства удивляться чему-либо.

Что с того, что путник немолод? Седые волосы, красиво уложенные локонами, ниспадали на широкие плечи незнакомца. Ясные глаза глядели на луну так, словно ожидали от нее откровения, и луна щедро заливала бледным светом роскошный парчовый халат путника, его нижнюю рубаху, и еще одну рубаху, выглядывающую из-под первой.

Эта трехслойная одежда красиво колыбалась при ходьбе, ее длинные полы собирались в причудливые складки.

На ногах у старика были мягкие сапожки, украшенные драгоценными камнями и вышивками. Если бы он сидел верхом на лошади, это еще можно было бы понять, но он шел в подобной обуви пешком!

Ширкух ухмылялся, наблюдая за своей будущей жертвой. Чего только не встретишь в пустыне! Впрочем, к чему рассуждать о неразумии старого глупца? Чем легче захватить добычу, тем лучше. Ширкух не принадлежал к числу тех дураков, что воображают, будто трудная победа приносит им много чести.

Коль скоро Ширкух всегда был один, некому будет восхититься его храбростью и ловкостью, а потому легкая добыча всегда будет предпочтительней.

Итак, старик был роскошно одет. Первая странность. Вторая — он находился в пустыне один. Его не сопровождали слуги, не было рядом телохранителя — вообще никого. Третья удивительная особенность старца заключалась в том, что он даже не шел по пустыне, а как бы прогуливался. Можно подумать, он совершает приятную прогулку где-нибудь в прохладном саду, среди фонтанов, а не среди барханов.

Последнее обстоятельство взбесило Ширкуха больше всего. Ну надо же! Можно подумать, что в пустыне нет никаких опасностей! Не бывает песчаных бурь, налетающих внезапно и убивающих все живое, нет смертоносных солнечных лучей, не водятся хищников... не говоря уж о разбойниках.

Ширкух прищепил коня и неожиданно предстал перед путником. Широко и приветливо улыбаясь, как он это делал всегда, Ширкух воскликнул:

— Какая удивительная встреча!

— Воистину так, — ответил старик. — Встреча удивительная... Но скажи мне, дитя мое, что ты делаешь посреди этой пустыни один? Разве ты не знаешь, что здесь может быть небезопасно?

— Вот так дела! — вскричал Ширкух. — А я-то думал, что только меня одного беспокоят подобные обстоятельства. Частенько я задаю одиноким путникам этот вопрос... И знаешь что, старик? Ни один из опрошенных мною еще не дал мне внятного ответа.

— Полагаю, все они мертвы, — заметил старик.

— Ты зришь в самую суть вещей, — вежливо ответил Ширкух. — Но я обязан был покарать их за неразумие.

— И кто поставил тебя здесь карателем? — прищурился старик.

— Я сам назначил себя на эту должность, — ответил Ширкух. — И раз до сих пор никто не оспорил этого моего права, я остаюсь при своем.

— А, — промолвил старик и склонил голову набок, рассматривая Ширкуха так, словно тот изрядно его позабавил.

Ширкух вдруг покраснел от гнева. Он понял, что путник попросту издевается над ним. Испустив яростный боевой клич, он выхватил саблю и помчался прямо на старика. Разбойник замахнулся, намереваясь снести старцу голову и покончить с ним раз и навсегда, но старик ловко отскочил. Казалось, он не перепрыгнул, а перелетел с бархана на бархан. В лунном свете блеснуло лезвие, и маленький метательный кинжал вонзился Ширкуху в щеку.

Разбойник взвыл и развернул коня. Он снова помчался в атаку на упрямого старика. И снова тот успел увернуться, поднырнув под живот коня и выскочив с другой стороны. Второй крохотный метательный кинжальчик воткнулся в плечо Ширкуха. Третий, брошенный почти мгновенно вслед за вторым, пронзил ладонь разбойника, и тот выронил саблю.

Одним стремительным броском старик метнулся к упавшей сабле и наступил на нее.

— Ты побежден, — обратился он к разбойнику. Тон старика был суровым, взгляд — пронзительным. Теперь Ширкух поразился тому, как мог не замечать властной осанки старца. Совершенно очевидно, этот человек привык повелевать другими.

«Может быть, это маг, — в ужасе подумал разбойник. — Как я мог так ошибиться? Но откуда в нашей пустыне маг? Здесь они не встречаются просто потому, что здесь нет ничего интересного... ничего интересного для магов».

Впрочем, разбойник счел за благо промолчать.

— Так ты признаешь мою победу? — осведомился старик.

— Да, — хрипло кивнул разбойник.

Старик безжалостно выдернул свои кинжалы из тела покорившегося ему пленника. Тот лишь вскрикивал при каждом новом рывке, а затем обмяк на песке у ног старика.

— Очень разумно, Ширкух, — сказал старик. — Потому что если бы ты не согласился подчиниться мне, пришлось бы убить тебя и искать кого-нибудь другого.

— Да, — тупо повторил разбойник.

Старик ударил его по лицу.

— Приди в себя! Мне не нужны слуги, которые ничего бы не соображали и только твердили «да, господин!» Если бы я захотел завести таких, я купил бы на рынке десятков глупых рабов... Мне нужен хищник, но хищник прирученный, преданный лично мне.

— Я готов, — сказал Ширкух.

— Отлично! — воскликнул старик. — А теперь слушай, что ты должен сделать. Через пару дней на этом самом месте появится одна женщина.

— Женщина?

— Да. Не перебивай. Тебе под силу справиться с женщиной? — презрительно осведомился старик. — Потому что меня ты одолеть не смог. Сумеешь победить хотя бы женщину?

— Полагаю, да... Если только она не пользуется какими-нибудь магическими штучками...

— То, чем пользовался я, тоже не было «магическими штучками», как ты выражаешься, — поморщился старик. — Самые обыкновенные кинжалы, только брошенные умелой рукой и попавшие в цель. Кстати, я один раз промахнулся. Не веришь?

Он наклонился и поднял с земли маленький кинжальчик.

— Хотел отсечь тебе ухо, да промазал. — Старик улыбнулся с обезоруживающей простотой, но Ширкух не ответил на эту улыбку. Он просто ждал, что воспоследует дальше. Из всего, что разбойник успел увидеть, он понял: старик далеко не так стар и слаб, как кажется, и совершенно явно представляет собой не то, чем видится стороннему наблюдателю.

— Слушай меня внимательно, — продолжал старик. — Ты должен находиться на этом самом месте еще два дня. Понятно? Никуда не отлучайся. Надеюсь, воды у тебя довольно. Жди. Через два дня она здесь появится — эта самая женщина. Она будет одета приблизительно так же, как и я. Может быть, вместо нижней рубахи на ней будут штаны — в таком случае, они будут похожи на шаровары, только гораздо короче. Потрогай шелк, из которого сделаны мои рубахи. Потрогай, не бойся.

Разбойник протянул дрожащую руку и осторожно коснулся кончиками пальцев халата своего собеседника. Шелк был на ощупь очень плотным и прохладным. Разбойник быстро отдернул руку, как будто обжегся.

Старик с насмешливым любопытством наблюдал за ним.

— Ну как?

— Никогда такого не видел, — признался Ширкух. — Наверное, этот халат стоит целого состояния. Можно купить целую деревню.

Он даже облизнулся, произнося это. Старик рассмеялся.

— Люблю простые человеческие чувства в их откровенных проявлениях! Даже трясаясь от страха за свою никчемную жизнь, ты не перестаешь быть алчным.

— Алчность — моя натура, — не стал спорить Ширкух. — Может быть, я жив до сих пор именно благодаря этому своему качеству.

Старик хмыкнул.

— Что ж, будем надеяться, что ты прав... Теперь запоминай. Через два дня здесь появится дама в шелках. Знаю, у такого негодяя, как ты, сразу возникнет мысль переспать с нею, а потом продать ее в какой-нибудь богатый гарем. Ты сразу оценишь ее красоту: бледное лицо, большие черные глаза... К тому же она очень нежная, и с первого взгляда видно, что она получила отменное воспитание. Все это так, и все же воздержись от искушения. Ты должен убить ее.

— Убить? — вскрикнул Ширкух.

— Именно так... Надеюсь, твоих жалких сил хватит на то, чтобы справиться с женщиной.

— Я не намерен обсуждать такие вещи, — выпрямился Ширкух. Его лицо приняло обиженное выражение.

Старик опять рассмеялся.

— Ты не одолел седого человека, который годится тебе в деды... Возможно, женщина также будет представлять для тебя трудность. Кстати, велика вероятность того, что она будет верхом на одном звере, который покажется тебе диковинным. Этот зверь немного похож на верблюда, хотя на самом деле совершенно верблюдом не является. У него длинная шея... Чрезмерно длинная. Понял?

Ширкух кивнул. Все происходящее вдруг начало казаться ему сном.

Старик как будто читал его мысли.

— Тебе, наверное, думается: уж не сон ли все это? — спросил он. И добавил: — Но это все происходит наяву. И я — гоже реален, а доказательством пусть послужит тебе вот это.

И он, сняв с пояса, бросил Ширкуху кошелек. Разбойник схватил маленький мешочек, поймав его на лету, дернул кожаные завязки и высыпал на ладонь горстку золотых монет странной треугольной формы. Старик наблюдал за ним с насмешливым любопытством.

— Это очень большие деньги, — заметил старик.
Разбойник быстро попробовал монету на зуб и прошептал:
— Золото!
— Чистейшее золото, — подхватил старик. — И я дам тебе в десять раз больше после того, как увижу голову той женщины.
— Хорошо, хорошо... — пробормотал разбойник, пряча кошелек под рубаху. — За такие деньги всякая мысль о продаже женщины в богатый гарем испаряется из моей головы... и исчезает в мареве пустынного полудня.
— Молодец, ты быстро учишься, — одобрительно кивнул старик.
— Я хотел спросить только одну вещь, — нерешительно проговорил разбойник.
Старик, который уже собрался было уходить, обернулся.
— Что тебя интересует? — бросил он через плечо. — Я сказал тебе все, что нужно. Ты получил задание и аванс. Остальное — после выполнения поручения. В чем дело?
— Что... что она такого натворила, эта женщина, если тебе нужна только ее голова? — спросил Ширкух, осмелев. — Ибо, могу предположить, в женщине голова — далеко не самое ценное.
Старик рассмеялся.
— Да, ты прав — голова не самая нужная часть тела у женщины, тем более у красивой; но в данном случае голова, отделенная от туловища, будет свидетельствовать о несомненной смерти означенной особы.
— В чем ее вина? — спросил Ширкух напрямую.
— А, тебя беспокоит это... — старик пренебрежительно усмехнулся.
— Да, — твердо ответил разбойник.
— У такого негодяя, как ты, есть принципы?
— Вовсе нет; просто я считаю убийство женщин расточительством.
— Что ж... Она украла у меня одну вещь. Медальон. Это очень ценная вещь. Священная реликвия, если угодно. Утрата подобного предмета является несмыслимым позором для меня.
— Ты жрец? — спросил разбойник.
— Это не имеет значения — и в любом случае тебя не касается, — сказал старик. — Я говорю о реликвии. О медальоне. Такой позор, как утрата его, можно смыть только кровью. Мне совершенно не нужно, чтобы та, которая сумела провести меня и выставить на посмешище, оставалась в живых и получила возможность трубить везде и всюду о своем триумфе.
— Что ж, — вымолвил разбойник торжественно, — считай, что мы договорились. Медальон и голова женщины — в обмен на десять таких же кошельков.
Старик кивнул и сделал еще несколько шагов, постепенно удаляясь от Ширкуха. Разбойник вдруг ощутил слабость. Все-таки во время схватки он получил несколько довольно болезненных, хотя и неопасных ран. Он пошатнулся и сел на песок, держась за кровоточащее плечо. На миг он отвел взгляд от своего нанимателя, а когда снова посмотрел в ту сторону, там уже никого не было.
— Неужели я действительно спал? — проворчал он. — Но нет, рука по-прежнему болит, и дырка в ладони осталась, хотя и перестала кровить. А главное — со мной денежки этого старикана. Да будь я проклят, если двинусь с этого места, пока не встречу женщину и не сниму с плеч ее хорошенькую головку. А с такими деньжищами можно будет отойти от дел и прикупить собственный дом — с садом, гаремом и прочими радостями.
Он растянулся на песке и безмятежно заснул.

* * *

Указанный срок близился. Ширкух с тревогой поглядывал по сторонам. Он понятия не

имел о том, что должно произойти. Женщина появится здесь, на этом самом месте, сказал старикан с кинжалами. Что, собственно, имел в виду старый хрыч?

За те два дня, что Ширкух провел на одном месте, разбойник успел прийти в себя. От страха перед таинственным старцем не осталось и тени. Теперь в мыслях Ширкуха незнакомец был ничем иным, как «чудаковатым стариком» и «богатым бездельником» — как, собственно, разбойник и привык именовать всех, кого считал своей законной добычей. Ширкух как будто позабыл о той ловкости, с которой «богатый бездельник» ушел от удара саблей и в ответ разделался с самим нападавшим. Теперь, оставшись наедине с пустыней, Ширкух снова был самим собой: сильным, хитрым, безжалостным.

Он вытащил саблю из ножен и положил рядом с собой на песок. До чего же хороша! Как изящны линии, какая сдержанная мощь таится в смертоносном изгибе клинка!

Ширкух вздохнул, потянулся за флягой, сделал глоток воды. Затем задрал голову и посмотрел на солнце. Уже скоро. Если только старик не ошибся.

Золотые треугольники приятно отягощали пояс Ширкуха. Когда ожидание делалось невмоготу, он вынимал монеты и рассматривал их. Он никогда не видел таких денег, но это ничего не значило: в мире много стран, где Ширкух еще не побывал. В одном из цивилизованных государств Хайборийского мира наверняка найдется применение и этим золотым крошкам.

Ширкуха поражало искусство, с которым были выполнены монеты. Обычно он держал в руках медяки с кое-как оттиснутым номиналом и грубым подобием царского изображения, реже — серебро, более ценное по материалу, но такое же грубое по исполнению. Золотые монеты, попадавшие в руки разбойника, были хороши, иногда даже весьма хороши, но и им было далеко до золотых старика.

Каким бы невежественным ни был Ширкух, он недурно разбирался в качестве товара. И сейчас определенно видел, что ничего из попадавшего ему прежде даже близко не стоит по искусности работы со стариковыми треугольничками.

Тонкость исполнения монет в очередной раз убеждала Ширкуха в их высокой номинальной стоимости. Очень хорошо, отлично! Еще пара часов — и у него будет целый мешок этого добра.

Неожиданная мысль поразила Ширкуха. Старик велел ему добыть голову женщины и медальон... Старик обещал заплатить... Но как и где они встретятся? Каким образом старец намерен выполнять свою часть уговора?

От этой мысли Ширкуха бросило в жар. Он почувствовал, как пот выступил у него на лбу, заструился между лопаток. Болван! Он бранил самого себя последними словами. Как он мог не договориться о месте и обстоятельствах встречи? А если старик его обманет? Если Ширкух останется посреди пустыни с обезглавленным трупом и мешочком денег — без всякого вознаграждения?

Зачем, в таком случае, все эти труды? Если старик — маг? Что ж, он хорошо посмеется над глупым Ширкухом. В свое магическое зеркало — или в магическом шаре, или что там у него имеется для ясновидения, — старикан полюбуется на то, как разбойник выполняет его задание. Как он старается. А потом, удостоверившись в том, что дело сделано и кощунница наказана, старик попросту выбросит Ширкуха из головы.

Что ж, решил в конце концов Ширкух, в любом случае он не останется внакладе. Аванс сам по себе достаточно велик.

Неожиданно подул ветер. Мысли Ширкуха оборвались: он поднялся на ноги, взял в руки саблю и внимательно всмотрелся туда, откуда летел потревоженный ветром песок.

— Что за ерунда? — прошептал он. — Что происходит?

Если начиналась песчаная буря, то следовало вскакивать на коня и поскорее уходить. Но буря обычно так не начиналась. Сперва небо должно было изменить свой цвет, в воздухе появляется тяжесть... Здесь же все происходило мгновенно, и никакой тяжести в воздухе не ощущалось — напротив, разбойнику дышалось на удивление легко.

Скоро он заметил и источник ветра — небольшой смерч, который не спеша двигался

над барханами. Столб из подвижного песка был высотой приблизительно в два человеческих роста и совсем невелик в объёме. Он был строен, если можно применить такое определение к смерчу, и па ходу извивался. Неожиданно Ширкух понял, что смерч напоминает ему танцовщицу, которая приближается к своему господину, виляя бедрами и поводя плечами, так, чтобы грудь ее была выставлена в наилучшем и самом соблазнительном виде.

И как только эта мысль пришла ему в голову, он мгновенно осознал: вот то, о чем предупреждал старик! Женщина здесь, внутри смерча.

Разбойника опять бросило в холодный пот. Что происходит?

Неужели она — тоже колдунья?

Следует держать с ней ухо остро, иначе она поразит его чарами прежде, чем он успеет отрубить ей голову.

«Да, — решил Ширкух, — я заговорю с ней по-дружески. Пусть считает, что намерения у меня самые добрые. Пусть расслабится и спрячет свои магические молнии подальше. А когда она не будет ни о чем подозревать, снесу ей голову — и покончу на этом».

Смерч добрался до того места, где ожидал Ширкух, и вдруг остановился. Песок начал осыпаться, и скоро перед глазами удивленного разбойника предстала всадница.

Она восседала на животном, которое имело отдаленное сходство и с лошастью, и с верблюдом: у зверя были раздвоенные копыта, очень крупные, мускулистые ноги, мощное туловище, чрезмерно длинная шея, увенчанная мясистой головой с крохотными глазками.

Всадница, в отличие от скакуна, производила весьма приятное впечатление. Ее бледное лицо, казалось, чуть светилось, как будто было изваяно из алебаstra.

Большие темные глаза смотрели задумчиво и вместе с тем с испугом: ее явно озадачила встреча с незнакомцем. Крупные нежные губы были перламутрового оттенка.

Дорогой плотный шелк ее одежд украшала роспись, и Ширкух разглядел филигранно изображенные домики, ветви деревьев и таких же верховых животных, как и то, па котором восседала женщина.

А на груди у нее возлежал небольшой круглый медальон без всяких украшений. Медальон был медным и очень старым, о чем свидетельствовали зеленоватые пятна.

Ширкух улыбнулся своей обаятельной улыбкой и протянул к женщине руку.

— Здравствуйте, прекрасная госпожа. Вижу, вы немного заблудились в этой пустыне...

Она продолжала рассматривать его большими влажными глазами. Впрочем, увиденное быстро успокоило ее. Она увидела то, что и должна была: красивого молодого мужчину с открытым лицом, доброжелательного, с учтивым и мягким обхождением. Мужчину, который знал свое место, когда встречал знатную даму.

— Кто вы? — тихо спросила она.

— Мое имя Ширкух, — был ответ. — Я здешний житель.

— Вы живете прямо в песках? — удивилась она. — Разве такое возможно?

— Пустыню напрасно называют пустыней, — возразил Ширкух. — Она вовсе не пуста. Смотрите, — он наклонился, призывая ее рассмотреть какую-то крохотную норку в песке, — видите?

— Нет, — нерешительно отозвалась она.

— Если вы сойдете с вашего... животного, то сможете рассмотреть, — настаивал он.

Она насторожилась.

— Вы хотите, чтобы я спешилась?

— В этом нет никакой нужды, я просто хотел показать вам норку суслика, — быстро сказал Ширкух. Ему вовсе не нужно было пугать женщину раньше времени. Но она должна сойти со своего скакуна, иначе ему трудно будет убить ее,

— Здесь обитают суслики? — улыбнулась она.

— И суслики, и многие другие зверьки, не говоря уж о диких верблюдах... Во время сезона дождей пустыня цветет. Это самое завораживающее зрелище в мире. К сожалению, сезон дождей очень недолог.

— Как интересно! — воскликнула она, оглядываясь по сторонам. — Я подозревала, что

рано или поздно сочетание зеркал и формул приведут к подобному результату, однако никогда прежде не видела... — Она осеклась, как будто спохватилась, что наговорила лишнего, и тотчас перевела разговор на другую тему: — Больше всего меня интересуют растения.

— Я могу показать вам целую кучу всяких растений, — заверил ее разбойник. — Если вы проедете со мной несколько миль по пескам, то увидите чудные заросли.

— Заросли? — недоверчиво улыбнулась она, оглядывая песчаные волны.

Разбойник громко расхохотался.

— Так я называю мои любимые пучки верблюжьей колючки. Они растут неподалеку отсюда.

Он сел на своего коня и двинулся вперед. Женщина, явно заинтересованная обещанием, поехала следом. Ширкух лихорадочно соображал: каким образом ему напасть так, чтобы она не успела заколдовать его. Наверное, верблюжья колючка покажется ей интереснее, чем нора суслика, и она все-таки сойдет со своего монстра.

Они проделали несколько миль в полном молчании.

Женщина молчала так естественно и спокойно, что Ширкух еще более утвердился в изначальном мнении: это аристократка, знатная дама, для которой важнее всего ее собственное настроение. Она привыкла не обращать внимания на слуг и не считает нужным развлекать беседой спутников.

Но до чего же хороша! В воображении Ширкуха то и дело возникали то ее светящиеся алебастровые щеки, то стройная шея, то чудная ямка у основания шеи, видная в воротнике одежды. А ее нежные руки! О, если бы эти пальцы приласкали Ширкуха!..

Он мотнул головой, отгоняя непрощенные мысли. Он должен убить ее и получить деньги. Наверняка она — жуткая уродина, а ее соблазнительная внешность — лишь маска. Колдуньи часто так поступают. Заманивают в свою постель мужчин, а когда те удовлетворяют их страсть, оборачиваются отвратительными старухами и в довершение всего пожирают своих незадачливых партнеров.

Нет уж. Он, Ширкух, не так прост. Его не проведешь подобными фокусами.

— Вот здесь, — он натянул поводья и остановил коня. — Если угодно, можете посмотреть сами.

Она увидела чахлый блекло-зеленый пучок, выросший среди песков, и радостно засмеялась.

— В самом деле! Я бы, пожалуй, сорвала его.

— Это не так просто, он довольно прочно сидит на своем месте. У него длинные корни, так что лучше его не рвать, а резать, — сказал Ширкух.

Он потянулся за саблей (вот удачный момент!), и в этот миг что-то в его улыбке выдало намерения разбойника. Может быть, он слишком пристально посмотрел на женщину, прицеливаясь заранее к ее шее, а может быть, она правильно истолковала хищную улыбку, появившуюся на его лице.

Как бы там ни было, она испуганно вскрикнула и погнала прочь своего мощного зверя. С громким проклятьем Ширкух погнался за ней. Больше не было нужды притворяться. Он держал саблю наготове и изо всех сил погонял коня.

Всадница явно опережала преследователя. Ее зверь был мощнее любой лошади, к тому же обладал куда более длинными ногами. Следовало отдать женщине должное — она была превосходной наездницей. Уверенно и крепко держалась в седле и направляла своего скакуна твердой рукой.

Но Ширкух недаром провел в пустыне всю свою жизнь. Он знал здесь все тропы и пути. Это только невеждам кажется, будто в пустыне безразлично, какой путь избирать — везде она одинакова. Ничего подобного! Ширкух видел незримые тропы и знал, куда лучше ехать, если хочешь обойти противника.

Скоро появится вади — пересохшее русло древней реки. Женщина потеряет скорость, переправляясь на другую сторону. Там он и перехватит ее. Он знал другой путь, в обход, так

что ему не придется спускаться на дно этого оврага.

Вереща, точно демон, Ширкух гнал вперед своего коня.

* * *

До пересохшего русла оставалось совсем немного, когда неожиданный порыв ветра бросил горсть песка прямо в лицо разбойнику. Он зажмурил глаза и сердито затряс головой. Что происходит?

Конь испуганно заржал и поднялся на дыбы. Ширкух не без труда удержался в седле. Он выругался последними словами. Не хватало еще потерять коня в этой пустыне! Никогда прежде с ним не случалось подобного позора — не случится и сейчас.

— Стой спокойно, глупая тварь, — обратился он к коню, — это всего лишь ветер, и...

Он не успел договорить. Прямо перед ним начал сгущаться воздух. Справа и слева все было чисто: все так же светилось небо, и песчаные волны устремлялись к горизонту, в то же время оставаясь неподвижными. А в двух шагах от того места, где в испуге застыл Ширкух, все обстояло совершенно иначе. Все потемнело и утратило ясность, мельчайшие частицы песка и пыли медленно поднимались вверх и закручивались спиралью. Новый смерч, гораздо больше предыдущего, рождался на глазах Ширкуха из ничего, из пустоты. Он не прилетал издалека, не сходил с небес, он формировался, как бы возникая из густоты.

Постепенно воздух чернел и делался все более плотным. Каждый вдох давался Ширкуху с трудом. В эти мгновения он забыл о женщине, о старике, о медном медальоне и о треугольных золотых монетах. Застыв на месте, он боролся за свою жизнь, за право дышать. Он попытался уйти, но конь отказывался сделать хотя бы шаг. Животное как будто приросло к месту и мелко тряслось всем телом. С губ коня срывалась пена, ноздри дрожали. Затем конь громко захрапел, обнажая зубы.

В этот самый миг смерч закончил формироваться и явился перед Ширкухом во всей своей смертоносной красоте и мощи. Тучи песка закрутились с невероятной быстротой, столб взлетел на высоту в пять человеческих ростов и двинулся прямо на Ширкуха.

Он сделал последнюю попытку сдвинуть коня, но было уже поздно: вращающаяся темнота опустилась на разбойника и накрыла его.

Неодолимая сила подняла его в воздух вместе с конем. Ширкух ощущал, как взлетает все выше. Он стиснул зубы и изо всех сил вцепился в гриву коня. Животное ржало и било копытами, попадая по пустоте. Песок избивал обоих, и коня, и всадника, и Ширкуху казалось, что некто сдирает заживо кожу с его лица и рук.

Они летели в неизвестность, окруженные мраком и ревом колдовской бури.

* * *

Ширкух не мог сказать, как долго продолжался этот полет. Наверное, он потерял сознание. Когда он очнулся, то увидел своего коня спокойно стоящим неподалеку, а себя — простертым среди барханов. Никаких следов бури не было и в помине.

На миг Ширкуху подумалось: уж не проспал ли он все это время, уж не привиделось ли ему во сне все случившееся — и созданный чародейством смерч, и красивая женщина с медным медальоном на шее?

Но видение — даже если оно и было нереальным — оставалось в памяти слишком ярким, чтобы можно было выбросить его из головы.

Ширкух пошевелился и тотчас застонал: все его тело было избито и болело. Он поднес руку к лицу: на ладони осталась кровь. Нет, смерч ему не привиделся. Все это произошло на самом деле.

А значит... А это значит, что необходимо продолжить погоню! Проклятье, он даже не

знает теперь, где находится женщина и в какой стороне ее следует искать. Не говоря уж о том, что Ширкух понятия не имел о том, куда занесло его самого.

Он заставил себя подняться на ноги и забраться в седло. Затем огляделся.

Он узнавал это место. Пустыня охотно открывала ему свои тайны. Да, смерч не иллюзия: Ширкух и впрямь теперь в тысячах полетов стрелы от того места, где встретился с таинственным стариком.

Что ж, нельзя медлить. Вперед! Он ударил пятками копы и помчался в погоню. Что бы ни происходило, какие бы злокозненные чары ни напускали на него враждебные колдуны, он намерен заработать свой мешок денег, а для этого требуется доставить старцу медальон и голову женщины.

Ширкух не давал отдыха ни себе, ни своему скакуну, пока не очутился возле того самого места, где возник первый смерч, из которого явилась женщина. Отсюда следует начинать преследование. Нужно только внимательно осмотреться и отыскать следы.

Конечно, пустыня быстро заносит все следы, но от Ширкуха, ее верного сына, у пустыни нет тайн. Он сумеет рассмотреть то, что ускользнет от взора менее опытного следопыта.

Здесь. Он спешился и наклонился над первым отпечатком. Вот в этом самом месте стояло то жуткое животное, на котором она восседала.

Ширкух вдруг услышал слабый стон. Он подскочил, как ужаленный. Это еще что за новость?! Кто здесь может находиться? Неужто она вернулась? Может быть, ее перенесли сюда чары старика? Может быть, старик заранее позаботился о том, чтобы она не могла покинуть определенного для нее места? Это было бы очень кстати и существенно облегчило бы Ширкуху работу.

Он оскалился, предвкушая завершение своих трудов. Но тотчас крик разочарования вырвался из груди разбойника.

Там, где он ожидал увидеть женщину, в неловкой позе лежал какой-то непонятный мужчина.

Несколько мгновений Ширкух рассматривал этого нового незнакомца. Несомненно, тот был богат и знатен — как и красotka на монстре. Таких холеных, белых ручек Ширкух не видывал даже у самых балованных красавиц из гаремов. А крашенные ногти! А туфли — о боги! Его туфли были украшены шелковыми бабочками, усыпанными мельчайшими драгоценными камушками! Ширкух не сдержал смеха. Тяжко придется этому разнаряженному индюку в пустыне, если он вздумает идти по пескам в подобных туфельках!

Шелковая одежда незнакомца была сделана по тому же образцу, что у старика и женщины. Сомнений в этом не оставалось: такой же плотный шелк, такая же искусная яркая роспись.

При виде штанов незнакомца — с большими буфами наверху, с лентами под коленом, — Ширкух громко расхохотался. Если когда-нибудь Он, Ширкух, сделается богаче и сможет содержать собственный двор, он непременно заведет себе шута. И обрядит его сходным образом. То-то будет потеха!

В последний раз оглянувшись на бесполезного разнаряженного чужака, Ширкух равнодушно проехал мимо. О мужчинах старик не говорил ничего. До мужчины Ширкуху не было никакого дела. Ему требовалось только одно: разыскать ту женщину.

Несчастный богатей, волей капризной судьбы и чьих-то непонятных чар заброшенный в пустыню, был обречен на гибель. Наверное, он созерцал это в предсмертном сновидении.

И только случайность привела на это место Конана-киммерийца — несколько часов спустя.

Глава четвертая История Югонны

Превратившись из спасенного и благодетельствованного чужака без рода и племени в состоятельного нанимателя, Югонна несколько изменил свое обхождение с Конаном. Теперь он держался как человек, который получает некие оплаченные им услуги, — молчаливо, с едва уловимым высокомерием.

Конан решил пока терпеть это обхождение. Киммериец хорошо знал: рано или поздно во время их путешествия случится нечто такое, что быстро собьет спесь с молодого красавчика. Нужно только подождать.

Едва рассвело, они выступили в путь. Югонна отчаянно спешил, это было очевидно. Рассказ о незнакомке верхом на диковинном звере совершенно лишил его сна и покоя. Как только они покинули оазис, Югонна обратился к Конану:

— Умоляю тебя, води меня самым коротким путем! Мы обязаны отыскать ее как можно быстрее, иначе... иначе может случиться беда, и тогда уже ничего нельзя будет поправить.

Киммериец пожал своими широченными плечами.

— От того, что ты беспокоишься и суетишься в душе, дорога не станет короче, а твоя лошадь не побежит быстрее. Загонять коней — верный путь к гибели. Так что смотри на меня и подражай мне во всем.

Югонна чуть растянул губы в улыбке.

— Стало быть, ты — образец для подражания?

— Именно, — кивнул варвар. — Учти, у меня целых два весомых довода в пользу этого утверждения.

— Интересно.

— Тебе интересно? — Киммериец изобразил удивление. — В таком случае, слушай и запоминай. Во-первых, другого образца для подражания у тебя сейчас нет. А во-вторых, я до сих пор жив.

— Я тоже, — тихонько заметил Югонна.

— Благодаря мне, — напомнил киммериец.

Югонна засмеялся.

— Я надеялся, что ты забудешь об этом. Не будем больше тратить времени на разговоры — в путь! Я должен найти ту женщину как можно скорее, и ты мне в этом поможешь.

Конан только покачал головой.

Чем-то Югонна нравился ему. Возможно, тем, что не сдавался при виде непреодолимых, на первый взгляд, трудностей. Ничто не могло сбить аристократа с избранного им пути. Даже гибель шелковых бабочек он воспринял стоически, а это уже говорит о многом.

Они ехали по пустыне, Конан впереди, Югонна — сразу за ним, след в след. Солнце старалось убить их, терпеливо, час за часом, ни на миг не оставляя своих попыток. Они обмотали головы тряпками, закрыли лица, чтобы уберечься от ожогов. Югонна, которому солнце обожгло щеки и лоб, к тому же смазался маслом, купленным в оазисе специально для этой цели, и теперь, смешанное с потом, это масло пропитывало его повязку и нестерпимо воняло. Однако Югонна стоически переносил это испытание.

То и дело он опускал веки, не в силах выносить яркий свет, но снова и снова поднимал их и всматривался в окружающие его пески: не видно ли женщины.

Но видел он только спину Конана.

Киммериец тоже высматривал впереди незнакомку. Вся эта история не на шутку занимала его теперь. В голове тянулись привычные мысли: если у Югонны имеются при себе девять монет, то у его подруги, возможно, найдется еще... И если они оба жаждут встречи, то, вполне вероятно, их щедрость не будет знать границ. Во всяком случае, Конан позаботится о том, чтобы границы эти расширить как можно больше.

Несколько раз киммериец бросал через плечо взгляд на своего спутника — чтобы

проверить, не случилось ли с ним беды. Как бы стойко ни держался Югонна, все же он совершенно не был приспособлен для подобных испытаний. Вдруг солнце все-таки довершило свою смертоносную работу? Вдруг Югонна забыл хлебнуть воды из фляги и потерял сознание? За ним нужно следить.

Конан не принадлежал к числу таких проводников, что только и ждут смерти работодателя, дабы прикарманить денежки, не выполнив поручения, и смыться. Нет уж. Он взялся доставить человека в нужное ему место — и он проследит за тем, чтобы клиент добрался куда ему нужно в целости и сохранности.

Киммерийцу не хотелось признаваться себе в том, что Югонна начал вызывать у него подобие симпатии. И это — несмотря па тот легкий налет высокомерия, который появился у Югонны нынче утром.

В очередной раз посмотрев на Югонну, Конан вдруг заметил, что тот как будто начинает растворяться в воздухе. Киммериец придержал коня и оказался вровень со своим спутником. Тот как будто не слишком озаботился происходящим и продолжал тащиться вперед, поглядывая сквозь щелки между покрасневшими, распухшими веками.

— Кром! — пробормотал Конан. — Нет, мне не чудится!

Югонна действительно стал почти прозрачным. Контур его фигуры размылись, сделались нечеткими и начали сливаться с мутным воздухом. Затем, как будто от толчка, все вернулось, и перед Конаном вновь был прежний Югонна, закутанный в белое покрывало всадник на выносливой и смирной лошадке.

— Кром! Проклятье! Что здесь происходит? — взревел киммериец, хватаясь за оружие и поднося острие меча к горлу своего спутника. — Кто ты такой?

Югонна молча смотрел на него. Оба остановили коней и замерли посреди пустыни. Куда пи кинь взгляд — кругом ни души, и даже орел не кружится над головой, только солнце застыло в точке зенита.

— Ты кто? — повторил киммериец. Голос его зазвучал угрожающе. — Ты только что начал исчезать. Ты колдун?

Югонна не ответил, продолжая взирать па киммерийца мутным взглядом.

— Отвечай! — заорал Конан.

— Ты хочешь убить меня? — спросил Югонна. Его голос прозвучал до странного спокойно и ровно. Казалось, то говорит человек, сидящий у себя в гостиной, в удобных креслах. Югонна держался так, словно его собеседник вовсе не был разъяренным варваром с мечом в руке, готовым убить его в любое мгновение.

— Клянусь Кромом, я сделаю это! — ответил Конан мрачно. — Ты колдун?

— Нет — в обычном понимании этого слова, — ответил Югонна. — Убери оружие. Я не могу разговаривать таким образом. Ты ведь видишь, я безоружен и полностью в твоих руках.

— Если ты колдун, то вовсе не безоружен, — возразил киммериец, не отводя меча. — Я знаю вашу братию и все ваши уловки. «Я бедный старичок, у меня нет даже ножа, чтобы защитить свою жалкую жизнь», — передразнил киммериец кого-то несуществующего и продолжил своим обычным голосом: — А потом — раз! — заклятие, и сильный, мужественный воин лежит с раздробленной головой, и никто даже не понял, что произошло. Нет, я тебе не верю.

— Тебе придется мне поверить, — сказал Югонна. — Впрочем, если ты оставишь меня в живых, у тебя будет время убедиться в том, что я говорю правду. Я не колдун.

— Я собственными глазами видел, как ты начал становиться прозрачным, а потом опять обрел плоть в этом мире, — сказал Конан, убирая меч. — Учти, я очень быстро могу вытащить меч из ножен. И мне уже доводилось убивать холодной сталью колдунов, даже самых могущественных. Так что не советую лгать мне...

— Я ведь уже сказал, что говорю тебе только правду! — в голосе Югонны послышалась досада. — Все дело в том, что я сейчас существую... в двух мирах... должно быть, это именно так, потому что никакого другого объяснения случившемуся я не нахожу...

И чары эти — не мои.

Он произнес слово «чары» с очевидным отвращением. Это было отвращение ученого, вынужденного называть некое явление совершенно неправильным словом, приноравливаясь к низкому умственному уровню слушателя.

— Остановимся на отдых, — предложил Конан. — Ничего не случится, если мы задержимся ненадолго. В пустыне все происходит медленно, даже если ты за кем-то гонишься. Уж поверь мне.

* * *

— Я родился в Авенвересе, — начал свой рассказ Югонна. — Это великолепный город, один из самых примечательных в Атлантиде.

— Атлантида? — перебил Конан. — Так назывался давно погибший мир...

— Тот осколок погибшей Атлантиды, где расположен мой родной город, мы называем именем целого континента, — сказал Югонна. — Он не всегда сообщается с Хайборийским миром.

Лишь иногда путь из нашей Атлантиды в ваш мир оказывается доступен, да и то немногим и на очень короткое время. У наших ученых нет объяснений для этого явления. А ваши никогда не задавались подобными вопросами...

— Продолжай, — сказал Конан. — Я тоже нечасто задаюсь подобными вопросами. К тому же я вообще не ученый.

— Хорошо, я расскажу тебе все... Авенверес процветал благодаря науке. Целые дворцы науки были построены на центральных площадях. Ты даже не можешь представить себе, как они выглядели! Это были огромные лабиринты, множество стен, мириады комнат и лабораторий под прозрачными крышами. Можно было годами находиться внутри такого лабиринта и не выходить наружу. Там устроены и спальни, и кухни, провизию доставляли туда по отдельным ходам, прорубленным так, чтобы простонародье не могло повстречаться с учеными и смутить их чистый разум.

Я знал старых ученых, которые никогда не бывали за пределами лабиринта. Они даже не знали, откуда берутся все те продукты, которые поддерживали в них жизнь. Годами они были погружены в изучение небесных светил или различных веществ, из которых они создавали лекарства, яды и всевозможные растворы, необходимые для строительства, очистки материалов или крашения одежды. Другие занимались исследованиями в области шелкопряда, третьи изучали искусства... Ты даже представить себе не можешь, как разнообразна наука в лабиринтах нашего города!

— Я бывал в Стигии, — скромно заметил Конан.

— Стигия? — удивился Югонна. — Это где?

— Неважно, — отмахнулся Конан. — Продолжай.

— Сам я изучал свойства зеркал и стекол, — вернулся к своему рассказу Югонна. — Зеркала обладают удивительной особенностью превращать самый тонкий лучик света в мощное пламя.

— Это любой ребенок знает, — фыркнул Конан. — Не понимаю, что тут изучать.

— Существуют определенные законы, которые управляют этим превращением, — объяснил Югонна. — Я получал неслыханное наслаждение, рассматривая различные сочетания зеркал и... Впрочем, не буду утомлять тебя описанием моих исследований, — спохватился он. — Я жил не в лабиринте, а в доме моей матери. Точнее, в моем собственном доме. После смерти отца я стал главой семьи. Но я очень люблю и почитаю матушку, поэтому и называю мой дом — ее домом. И по поводу женитьбы я тоже решил с нею посоветоваться. Хотя, конечно, все уже было сговорено между мной и Далесари. Да, мою невесту зовут Далесари, и именно ее мы сейчас пытаемся отыскать...

Югонна вздохнул. Он взялся за флягу, но вода в ней кончилась, и Конан налил туда из

бурдюка еще.

— Продолжай.

— Мы с Далесари познакомились в лабиринте. Она занималась исследованием растений. Составляла книгу. Ее работа не имела прикладного характера. Ей просто хотелось описать как можно больше растений. Ее книга — это нечто потрясающее! Огромный том, больше тысячи страниц, и на каждой — описание растения, изображение его и, если есть возможность, засушенный образец. Очень интересно. Она была просто помешана на том, чтобы собрать всеохватывающую коллекцию.

Меня поразила эта девушка своей целеустремленностью. Мы проговорили с ней целый день. Видишь ли, она заблудилась в лабиринте — что немудрено, — и случайно оказалась в моих рабочих комнатах. Я вызвался проводить ее, но по дороге мы заплутали оба. Должно быть, то была воля богов, чтобы мы надолго остались наедине. В конце концов мы очутились на кухне, и нам пришлось выбираться из лабиринта по рабочему ходу, вслед за какими-то вонючими мясниками в забрызганных кровью фартуках! Мы сочли это приключение непристойным и забавным и, оказавшись на улице города, долго смеялись. Ничто так не сближает, как общие испытания и смех.

В конце дня я понял, что влюблен. Это было совершенно новое для меня чувство. Обычно я увлекался только научными достижениями, и из-за них способен был не спать ночами. Однако на сей раз все обстояло иначе. Стоило мне закрыть глаза, как я видел перед собой Далесари... В ней воплотился для меня весь зримый мир.

— Ну, такое бывает, — нехотя признал Конан. — Должно быть, она действительно хороша. Впрочем, как бы хороша ни была женщина, всегда найдется нечто получше...

Югонна бросил на киммерийца уничтожающий взгляд, которого Конан даже не заметил.

— Далесари тоже полюбила меня. Она сказала мне об этом через несколько дней, когда мы снова встретились в лабиринте. Я был счастлив... Мы забросили наши научные занятия и только разговаривали да обнимались, и так проходили целые дни...

— Болтали и обнимались? — Конан презрительно фыркнул. — Да вы просто теряли время, вот что я тебе скажу!

— Нет, мы вовсе не теряли время, — рассердился Югонна. — Ты совершенно не понимаешь, что такое любовь.

— Не понимаю, — не стал отрицать варвар. — По-моему, при встрече с женщиной, которая тебе по сердцу, нужно как можно скорее тащить ее в постель. Разумеется, в том случае, если и ты ей по сердцу и она не возражает против того, чтобы хорошо провести время вдвоем. Вот и все.

— Можно получать наслаждение от легкого прикосновения, от встречи взглядов, от обмена мыслями, — сказал Югонна. — Я не хотел торопиться, да и она этого избегала. Мы решили вступить в брак и провести вместе остаток жизни. К этому имелось одно-единственное препятствие... Она имела опекуна — дядю, брата отца. Ее родители давно умерли, и дядя — его имя Ронселен — вырастил Далесари как собственную дочь. Здесь нужно упомянуть еще о том, что все семейные средства Далесари, в основном то, что она унаследовала от матери, находились в распоряжении ее дядюшки.

— Позволь, я угадаю, — перебил Конан. — Как только речь от сладких объятий и бессвязных речей перешла к деньгам, я сразу стал догадливым. Этот Ронселен растратил все состояние своей подопечной. Да?

— Именно это я и выяснил, действуя через подставных лиц, — признал Югонна. — Для меня не имело значения то обстоятельство, что Далесари оказалась бедна. Я взял бы ее и без приданого. Но ее дядя продолжал изображать из себя заботливого опекуна. Если бы Далесари вышла замуж, ему пришлось бы выделить ей приданое. А никакого приданого уже не существовало. За растрату денег подопечной Ронселену грозила смертная казнь. Таковы наши законы.

— Стало быть, он мог еще долго морочить голову окружающим, если бы только

Далесари не вздумала выйти замуж, — заключил Конан. — Поэтому он решительно возражал против вашего брака.

— Да. Сначала я подумал, что не понравился ему — я сам, лично. Но как я мог не понравиться? Я из знатной семьи, наше состояние весьма значительно, намерения мои касательно Далесари абсолютно чисты — да и она меня любила... Почему же Ронселен возражает? Здесь явно скрывалась какая-то тайна, и я приложил некоторые усилия, чтобы раскрыть ее.

— Ясно. Страх разоблачения — вот основная причина.

— Именно. Все это стало мне известно... А спустя какое-то время Ронселен перехватил моего человека и выпытал из него все, что тот успел рассказать мне. И тогда злодей начал действовать.

Пользуясь какими-то своими средствами, он забросил меня сюда. Когда я очнулся посреди пустыни, я сперва подумал, что болен и все это мне чудится в бреде. Но затем я осознал, что все происходящее — вполне реально.

— И самое реальное во всем этом — я, — добавил Конан.

— Возможно, — задумчиво согласился Югонна. — Очень даже возможно... Во всяком случае, довольно скоро мне стало ясно, что Ронселен отправил меня куда-то очень далеко от Авенвереса. Да еще в таком виде... — Он с усмешкой развел руками. — По замыслу Ронселена, я должен был исчезнуть без следа. Однако Далесари недаром провела в лабиринте много времени. Она быстро догадалась о намерениях своего дяди и последовала за мной. Я только надеюсь на то, что она подготовилась к путешествию лучше, чем я. Во всяком случае, в этом меня убеждает то обстоятельство, что ее видели верхом на животном, которое всем здешним очевидцам показалось очень странным.

— Полагаешь, она тебя ищет?

— Да, и по иронии судьбы оказалось так, что это мы преследуем ее, а не она нас. Нам следует поторопиться, Конан, потому что Ронселен не оставит своих попыток избавиться от нас обоих. И самая большая опасность грозит, пожалуй, Далесари. Ты сможешь мне спасти ее?

Киммериец только усмехнулся и тронул коня.

Глава пятая В поисках Далесари

Далесари спешила. Медальон на ее груди то разогревался, то остывал, и это сбивало ее с толку. Ей казалось: еще немного, и она догонит своего возлюбленного, но в следующий миг все изменялось. От надежды она переходила к отчаянию, и эта смена настроений совершенно измучила ее.

Верховое животное не знало усталости. Оно бежало и бежало, уверенно выбрасывая вперед длинные мощные ноги. Песок взлетал под широкими копытами.

В Авенвересе Далесари считалась одной из лучших наездниц. Она даже хотела участвовать в гонках, но дядя-опекун запретил ей и думать об этом.

«Ты — наследница аристократического имени, представительница знатной семьи, ты ни в коем случае не должна делать что-либо на потеху толпы!» — строго внушал он ей.

Далесари криво усмехнулась, вспоминая об этом. Жалкий лицемер! И он еще смел говорить с ней о «наследстве». Кроме имени, ей теперь нечего наследовать. Югонне удалось вскрыть все темные махинации этого человека.

К счастью, Далесари с Югонной оба были достаточно молоды, чтобы не слишком огорчаться из-за потери наследства. Далесари никогда ни в чем не нуждалась: у нее имелись наряды, книги, была возможность заниматься изучением растений в лабиринте... А старый друг ее покойной матери подарил девочке это верховое животное. Ничего больше ей и не

требовалось. Она всегда была счастлива тем, что имела, и не стремилась большему.

Страсть к наживе оставалась для Далесари непонятной. Полностью обеспеченная, она не могла взять в толк, как можно испытывать непреодолимое желание накапливать деньги, владеть ими — просто ради «счастья обладания».

Другое дело — верховая езда. Эти радости были для Далесари близки и понятны, и все-все занимало ее воображение: седла, подпруги, уздечки, подковы разной формы, различные способы выездки, команды, подаваемые голосом или коленями... Она умела устанавливать контакт с этими животными, а это — редкое искусство.

По обычаю Авенвереса, ни одно существо, кроме человека, не имеет права носить имя, поэтому верховое животное Далесари оставалось безымянным. Но она относилась к нему так, словно оно обладало именем.

Это обстоятельство также настораживало дядю-опекуна. Ронселен понимал: его подопечная — не такая, как все остальные. В ее присутствии он всегда напрягался, потому что не понимал, чего от нее ожидать. То, что представлялось Далесари естественным, для Ронселена оставалось тайной за семью печатями. Так, ему и в голову не приходило, что она может безразлично относиться к потере семейных денег.

Девушка спешила. Сейчас она была уверена: еще несколько переходов — и она настигнет Югонну. Она не могла избавиться от назойливой тревоги: а вдруг с Югонной случилась беда? Вдруг он попал в руки разбойников или, того хуже, застрял посреди пустыни без воды и припасов? Вероятность того, что в такой ситуации он найдет помощь, крайне мала.

Нет, ей следует разыскать его во что бы то ни стало! Мысль о том, что теперь, быть может, уже поздно, была для Далесари невыносимой...

Вот уже несколько часов за ней кто-то следил. Сперва она слишком беспокоилась о судьбе Югонны, чтобы обращать внимание еще и на это. Она была достаточно уверена в своем скакуне, чтобы заботиться еще и о погоне. Но затем этот «кто-то» приблизился на достаточно близкое расстояние, и теперь, бросая взгляды через плечо, девушка видела, как по песку пылит всадник.

Проклятье! Он скакал достаточно быстро, чтобы настигнуть беглянку. Скоро она уже различала даже покрывало на его голове, вздувавшееся на ветру пузырем. Пена срывалась с губ разгоряченного коня.

Далесари сжала коленями бока своего скакуна, не приказывая, но прося его бежать быстрее. Однако девушка знала, что это бесполезно. Эти животные умны и довольно своенравны: если они считают, что нет надобности мчаться сломя голову, они будут продолжать идти размеренной ровной рысью, и никакие уговоры, никакие угрозы и даже хлыст не помогут. Другое дело — скачки: здесь они, по крайней мере, видят соперников и понимают, что их нужно обогнать во что бы то ни стало.

А куда торопиться здесь? Следует, напротив, сберечь силы и правильно их рассчитывать, чтобы хватило до цели. Животное чуюло воду, но до нее следовало еще добраться. Если же лететь вихрем, то можно растратить все запасы энергии и сдохнуть, не добравшись до источника жизни.

Поэтому животное никак не реагировало на уговоры всадницы. Она гладила его шею, сжимала бока и даже била его по животу пятками — все бесполезно.

Между тем преследователь приближался неуклонно, как судьба.

Это был красивый мужчина со смуглым лицом и белозубой улыбкой. После того, как внезапно налетевший колдовской смерч отбросил его в сторону и зашвырнул в глубину пустыни, точно нашкодившего котенка, Ширкух чувствовал себя опозоренным. Несомненно, старик был колдуном. И эта женщина с медальоном — тоже колдунья. Они оба напустили на него чары с одной-единственной целью: посмеяться над ним.

И теперь они поплатятся за это. Сперва женщина, потом старик. Никто не посмеет сказать, будто сумел одурачить Ширкуху и выставить его на посмешище! Он широко улыбался, предвкушая месть.

Разбойник уже хорошо различал впереди свою жертву. Молодая женщина верхом на странной зверюге. Ширкуху доводилось видеть самых разных верховых животных. Одна карлица, к примеру, ездила на леопарде. Ширкух до сих пор содрогался при воспоминании об этом существе. Карлица, очень смуглая, почти черная, покрытая бородавками, сумела при помощи слабой магии приручить леопарда, и тот катал ее на своей спине.

Кажется, закончилось дело тем, что леопард свою наездницу все-таки съел... Ширкух в точности не помнил.

Теперешняя его жертва совершенно очевидно оседлала зверя хоть и странного на вид, но не хищного. Действительно, нечто среднее между верблюдом, лошадью и неизвестно чем. Неопасное. Разве что лягается.

Ширкух знал, что при умелом управлении конь может превратиться в оружие. Но он слишком презирал женщин, чтобы подозревать незнакомку в том, что она сумеет проделать такое со своим нелепым зверем. Нет, всех ее умений хватит лишь на то, чтобы позорно удирать.

Он облизнулся. Скоро, совсем скоро эта хорошенькая хитроумная головка слетит с плеч! Даже если старик и не заплатит обещанного, Ширкух сочтет себя удовлетворенным.

Он с удивлением понял, что ненавидит эту особу. Что ж, тем лучше. Проще будет убить.

Сабля сверкала в его руке. Он держал ее на отлете, готовясь нанести удар. Вот уже его конь почти поравнялся с верховым животным беглянки...

И тут она резко натянула поводья и остановилась, а затем так же резко повернулась к нему.

И он разжал пальцы, так что сабля выпала из его руки.

Женщина была обнажена до пояса. Ее шелковые одежды были распахнуты на груди и спущены до талии, так что все ее гибкое тело было выставлено на обозрение. Маленькие нежные груди округлой формы с удивительно розовыми сосками глядели прямо на Ширкуху. Талия изгибалась, словно в предвкушении ласки, а бедра казались на редкость пышными, и глаза разбойника сами собой так и впились в них.

Медальон, висевший между грудей, больше не казался Ширкуху обычной приметой, по которой он должен узнать свою жертву. Теперь это было украшение, призванное подчеркивать соблазнительность женских форм.

Ширкух направил коня прямо на женщину. Улыбка вновь вернулась на лицо разбойника. Теперь он разве что не облизывался, рассматривая Далесари.

Далесари знала, что мужчины такого рода почти никогда не заглядывают женщинам в лицо. Их не интересует то, что чувствует партнерша на самом деле. Таких занимает лишь одно: их собственное удовольствие. Что ж, сегодня кое-кто поплатится за это невнимание.

Если бы Ширкух дал себе труд поднять взгляд и посмотреть в глаза девушке, он прочел бы в глубине ее зрачков свой смертный приговор. Но он не мог оторваться от ее красивой фигуры.

Жаль было бы превратить в прах это тело, так и не воспользовавшись им! Что изменится, если Ширкух убьет женщину не прямо сейчас, а спустя некоторое время? Сперва он возьмет свое. Должен же он немного отдохнуть после изнурительной погони! Разве он не заслужил хотя бы небольшого удовлетворения?

Неожиданно он понял, что очень давно не лежал с женщиной. Наверное, в последний раз это случилось больше луны назад. Да и то женщина попалась какая-то неприятная, все время визжала и плакала. Никакого удовольствия.

Эта — другая. Эта не станет плакать. Может быть даже обнимет его своими сильными маленькими руками, примется нашептывать нежности... Ему жаль будет убивать ее, но такова уж их судьба. Это было предопределено еще до их встречи.

Ширкух тяжело перевел дыхание и снова улыбнулся. Она смотрела на него серьезно, уголки ее губ вздрагивали от гадливости, а он даже не замечал этого. Хорошо, очень хорошо.

Далесари никогда еще не убивала людей. И если боги будут милостивы к ней, этот

ублюдок окажется первым и последним. Но уничтожив его, она окажет благодеяние всему человечеству.

«Или я, или он, — подумала она. — Колебаться нельзя».

— Иди ко мне, моя красавица, — сказал разбойник, не замечая, что слюна вытекает у него изо рта. Он облизал губы и снова перевел дух. — Иди скорее. Я вижу, ты стосковалась по ласке настоящего мужчины. Иди ко мне. Я приласкаю тебя. Я сумею утолить твою жажду.

Он сошел с коня и приблизился на несколько шагов. Далесари подождала, чтобы он подошел еще немного.

Ширкух вдруг рассердился.

— Что ты застыла? — резко выкрикнул он. — Чего ждешь? Я ведь велел тебе идти ко мне! Или ты хочешь, чтобы я свернул тебе шею, шлюха?

«Пора!» — шепнула себе Далесари. Она сунула руку под одежду. Ширкух с жадностью следил за каждым ее движением. «Он решил, что я раздеваюсь», — подумала она.

Быстрым движением она вытащила наружу маленький мешочек, рванула завязки и вытряхнула содержимое мешочка прямо в лицо своему врагу. После чего, подняв зверя на дыбы, развернула его. Умное животное отбежало на несколько шагов и остановилось.

Ощувив в глазах острое жжение, Ширкух выругался. Он потер лицо рукой, чтобы избавиться от неприятного ощущения, но оно не проходило, наоборот — становилось все сильнее.

— Проклятая ведьма! — заорал Ширкух. — Что ты со мной сделала?

Он слепо повел головой и вдруг осознал, что ничего не видит. Он свистнул, пытаясь позвать своего копя, но скакун убежал, испуганный странным запахом.

Скакун Далесари раздувал ноздри и шумно фыркал, и ей стоило больших усилий успокоить его и удержать на месте. Ей хотелось видеть, к чему приведет ее хитрость.

Этот гриб растет только в одном месте — на северной окраине Авенвереса. Далесари вычитала о его свойствах в одной книге. Там же говорилось и о том, что гриб этот давным-давно был уничтожен, и сейчас ни одно живое существо не в состоянии его отыскать и изготовить описанный в книге яд. «Мы потому и дерзаем излагать способ приготовления сего яда и оказываемое им на все живые существа действие, что ныне это совершенно безопасно. Бесполезное сведение не может представлять опасности, однако имеет некоторых теоретический интерес», — говорилось в книге.

А Далесари отыскала этот гриб — может быть, единственный из сохранившихся. Она изготовила яд и носила его при себе.

Когда она только приступала к этой работе, она уверяла себя, что делает это лишь как исследователь. Она обязана попробовать все, о чем пишут в книгах. Просто обязана, иначе какой из нее ученый!

Впоследствии она предполагала испытать яд на каком-нибудь животном. Но выбрать подопытное животное оказалось непросто: у Далесари просто не поднималась рука уничтожить ни в чем не повинное живое существо просто ради эксперимента. Поэтому яд оставался в мешочке.

И вот сейчас ему наконец нашлось достойное применение.

Разбойник, мыча и стелая, метался из стороны в сторону. Он то принимался бежать, то вдруг падал на песок и катался, стуча по земле руками и ногами. Далесари с ужасом видела, как его кожа прямо на глазах становится грубой, зеленеет, покрывается толстым слоем плесени.

Грибок-паразит все сильнее проникал в кровь человека. Размножение спор шло стремительно, быстрота эта казалась неестественной, почти колдовской.

— Это не магия, — сказала Далесари. Голос ее треснул и прозвучал сипло. — Это всего лишь свойство растения. Например, порошок черного лотоса вызывает странные видения. Это тоже не магия...

Но ей удалось убедить себя лишь наполовину, ибо происходившее чересчур

напоминало злые чары.

В считанные минуты разбойник, по-своему привлекательный, сильный мужчина превратился в бесформенный кусок плоти. Завывая, как зверь, он полз по песку на четвереньках. Одежда на нем истлела и превратилась в удобрение для грибка. В крупных грубых складках грязно-зеленого цвета еще угадывались человеческие черты, но скоро и это исчезло. У Ширкуха больше не было лица, глаза его заплыли, пальцы рук и ног превратились в толстые обрубки, шевелящиеся внутри кожистых складок.

С карьерой Ширкуха было покончено.

Далесари поправила свою одежду. Солнце уже начало припекать ее нежную кожу, так что следовало поторопиться. Девушка набросила на плечи рубашку, наслаждаясь прохладным прикосновением шелка, затянула пояс и завязки, тщательно закутала голову. Теперь она готова была продолжать путешествие.

Далесари в последний раз оглянулась на разбойника. Странное существо копошилось на песке и выло жалобно и вместе с тем озлобленно. Далесари знала, что грибок продолжает размножаться в теле человека, что разрушительная работа не закончена. Грибница будет разрастаться, постепенно она захватит не только кожу, но и все внутренние органы своей жертвы...

«Я убила его, — подумала Далесари. — Я сделала это! Я уничтожила этого мерзавца... У меня хватило смелости. Не знаю только, хватит ли у меня смелости рассказать о моем поступке Югонне...».

Даже подобия жалости не шевельнулось в ее душе при виде отвратительного чудища, в которое она превратила Ширкуха. Развернув скакуна, она помчалась прочь от своей жертвы.

* * *

— Ты уверен в том, что мы ее нагоним? — спросил Югонна у Конана.

Молодой человек задавал своему спутнику этот вопрос уже в тысячный раз. Сперва — в первые сто раз — Конан отвечал положительно и вполне серьезно:

— Следы однозначно говорят о том, что Далесари здесь проезжала. Вот, посмотри.

— Я ничего не вижу, — возражал Югонна.

— Вот здесь и здесь, — показывал Конан на какие-то ямки в песке, вид которых приводил Югонну в отчаяние: городской житель никак не мог взять в толк, чем эта ямка в песке отличается от другой такой же.

— Мне остается лишь одно: довериться твоему мнению, — говорил в конце концов Югонна.

— Это самое разумное из всего, что ты можешь сделать.

На сто первый раз Конан начал разнообразить свои ответы.

— Уверен ли я? В чем вообще может быть уверен смертный человек? — сказал киммериец и с удовольствием увидел, как Югонна побелел.

Иногда Конан отвечал так:

— Мы ее, несомненно, настигнем, вот только вопрос: в каком виде она предстанет перед нами, в живом или мертвом.

Или:

— Ни одна женщина не стоит того, чтобы так за нею гоняться.

Или:

— Знаешь, однажды я заблудился в степи и не мог выбраться к стойбищу целых двенадцать дней. Едва не помер.

Или еще:

— Как-то раз, помнится, преследовали мы двух сбежавших рабынь, а когда нашли — одна угодила в муравейник и ее там съели заживо, а вторая запуталась в лианах и задохнулась, как будто ее повесили... Скелетик, кстати, был весьма симпатичный.

Наконец Югонна не выдержал:

— У меня складывается такое впечатление, что ты надо мной издеваешься, Конан.

— У тебя складывается совершенно правильное впечатление, — не стал отпираться киммериец.

— Почему? — в упор спросил Югонна.

— Потому что я знаю, что делаю, а ты своими вопросами показываешь, что сомневаешься во мне.

— Я в тебе не сомневаюсь, — заверил Югонна и тут же добавил: — Просто я беспокоюсь.

— А ты не беспокойся. Мы идем за ней след в след. Можно сказать, наступаем ей на пятки. Доверься мне.

— Да, конечно, — быстро согласился Югонна. — Но ты уверен, что мы идем правильно?

* * *

Далесари встряхнула флягу, но ожидаемого звука не последовало: вода закончилась. Девушка обтерла лоб и с мукой подняла глаза на небо. До вечера оставалось еще несколько часов. Она не продержится столько времени без воды. Это жители пустыни в состоянии жить без глотка воды по целым дням — у них как-то особенно устроены тела. Может быть, есть какой-то второй желудок, где они хранят про запас выпитую прежде воду. Далесари читала в книгах о подобных вещах.

Как бы там ни было, она не обольщалась на свой счет: ее часы сочтены. Спасти ее может только чудо.

Ее скакун тоже начал испытывать страданий от жажды. Обычно эти звери довольно выносливы и неприхотливы, по всему есть предел, даже их терпению. Животное начало пофыркивать, что говорило о его недовольстве.

— Потерпи, я что-нибудь придумаю, — попыталась успокоить его Далесари. Она старалась сделать так, чтобы голос ее звучал уверенно.

Впрочем, она знала: ее спасет лишь случайность. Счастливая случайность, и ничего больше.

Тот человек, который напал на нее в пустыне... Сперва Далесари полагала, что это было случайностью. Подобные дикие места часто служат убежищем для разного отребья. Встретив беззащитную женщину, разбойник решил, что это самая легкая и удачная добыча, и напал на нее. Но поразмыслив, она пришла к выводу, что ошибалась. Разбойник держался так, словно в точности знал, чего хочет. А хотел он убить ее. Таково было его изначальное намерение.

И это само по себе странно. Как правило, молодых женщин не убивают. Ими пользуются, а потом продают в рабство. Юная красавица всегда и везде будет пользоваться спросом.

Этот же разбойник имел в мыслях лишь убийство. И только увидев Далесари обнаженной, не сумел совладать со своими инстинктами.

И о чем говорит такое поведение? Далесари пыталась рассуждать спокойно, отстраненно, как будто речь шла не о ней самой, а о ком-то постороннем, совсем незнакомом.

— Такое поведение свидетельствует лишь об одном, — заключила Далесари. — Его наняли. И наняли именно для того, чтобы меня уничтожить, и ни для чего иного. И не будь он таким похотливым идиотом, я была бы уже мертва...

Она содрогнулась при этой мысли и поехала быстрее. Неожиданно впереди она увидела несколько пальм. Далесари знала о том, что в пустынях бывают миражи. Измученному жаждой путнику видятся деревья, прохладные водные источники... по приблизившись к

ним, он надаёт лицом в песок. Ничего, кроме раскаленного песка и смертоносного одиночества.

Но ее верховой зверь громко закричал и сам прибавил ходу. Значит, вода настоящая! Далесари было известно о том, что животные не подвержены иллюзиям, они лишены воображения и полагаются лишь на собственные зрение, слух и обоняние.

Вот оно, чудо, на которое Далесари не смела надеяться!

Она упала лицом на шею своего скакуна, предоставив тому самому выбирать путь. Зверь бежал легко, унося свою всадницу навстречу спасению.

Должно быть, она впала в забытие, потому что когда зверь остановился, Далесари едва не упала на землю. Да, оазис был настоящий. Совсем небольшой: пять пальм и обнесенный невысокой изгородью источник.

Прохладная вода била из глубины. Камни, ограждавшие колодец, были всегда влажными. По ограде бегали блики, отбрасываемые водой.

Рядом с колодцем лежало кожаное ведро, а для водопоя животных имелась специальная колода. Держась на ногах из последних сил, Далесари оттащила своего скакуна от воды, чтобы он не сунулся туда мордой и не замутил источник, и привязала его к пальме. Зверь возмущенно фыркал и бился.

— Подожди, — сказала Далесари строгим тоном.

Она набрала воды в колоду и подала зверю, после чего напилась сама. Она почувствовала, как воскресает. До сих пор ей казалось, что ее кожа грубеет, делается жесткой и трескается, как у лягушки, вытащенной из болота и оставленной посреди дороги. Теперь все ожило, задышало.

Она наполнила бурдюки, налила воды во флягу.

Пальмы не отбрасывали тени, но у Далесари было покрывало, и она соорудила небольшой навес, натянув ткань между двух стволов.

Конечно, оставаться здесь надолго небезопасно. Кто знает, кто может приехать к этому источнику, чтобы напиться и напоить животных! Если здесь водился один разбойник, может найтись и другой, а то и целая дюжина.

Но Далесари чувствовала, что не в силах больше продолжать путь. Ей следует отдохнуть, выспаться, привести в порядок мысли и чувства. Иначе она попросту свалится посреди пустыни и умрет.

Она отвязала своего зверя, зная, что тот не уйдет далеко от воды и от своей хозяйки, забралась под навес и мгновенно погрузилась в забытие. Усталость и переживания сделали свое дело — сон сморил Далесари в считанные мгновения.

* * *

Неожиданно Конан остановил коня. Его спутник едва не налетел на киммерийца.

— Смотри, куда едешь! — буркнул Конан. — Кажется, в пустыне достаточно места, чтобы разъехаться двум всадникам... Или у тебя срабатывает привычка горожанина — жаться к соседу и непременно втирать того в стену?

Югонна промолчал. Он уже достаточно долго изучал характер киммерийца, чтобы понять: тот чем-то взволнован, и сейчас его лучше не злить.

— Смотри. — Конан поднял руку, указывая направления.

Югонна повернулся в ту сторону, куда показывал варвар, и увидел далеко впереди слабое мерцание. Воздух как будто дрожал и переливался.

— Что это? — спросил Югонна.

— Там должен быть оазис, — уверенно ответил варвар. — Все приметы на это указывают. Смотри.

— Я ничего не вижу, — признался Югонна.

Киммериец насмешливо фыркнул.

— Разумеется... Знаешь что, Югонна, я, по правде говоря, тоже ничего не вижу, кроме этого мерцания в воздухе. И мерцание это мне не особенно нравится. Когда-то я знал одного старика — тот угадывал близость воды просто по цвету песка. Наклонялся и нюхал, а если находил среди песчинок красную крапинку, то ликовал и приказывал копать на том месте.

— И находили воду? — спросил Югонна.

— Да.

— И он никогда не ошибался?

— Один раз сочли, что он ошибся. Копали долго, но никакой воды там не обнаружили. Люди это были на расправу скорые, они очень прогневались на старика. Он называл их болванами, не скупился на бранные слова, и ухитрился так разъярить их, что они его убили.

— И что было потом?

— Ты умный, Югонна, если догадался, что история на этой смерти не закончилась. Все эти люди умерли от жажды — кто через день, кто через два. А потом на это место явились другие. Они увидели труп старика и страшно разозлились, потому что во всей пустыне было не сыскать второго такого кудесника по части поисков воды. Они продолжили копать там, где остановились их предшественники, и через час упорного труда все-таки нашли воду. Она была там, только следовало потрудиться немного больше, чем рассчитывалось изначально...

— Печальная история.

— Пустыня полна печальных историй, — сказал Конан. — И наша с тобой задача — не стать героями еще одной. Поэтому будь начеку, Югонна. Здесь нехорошее место. И что-то не помню я в этих краях никакого оазиса. Колодец должен находиться вон там, к югу отсюда.

— Но воздух дрожит...

— Да, — резко обрубил Конан. — Сдается мне, нас морочат миражи.

— Подойдем ближе? — спросил Югонна.

— Да, тем более, что следы ведут именно туда.

— Сколько ни смотри, куда ты показываешь, никаких следов не вижу, — признался Югонна.

— Ты читаешь книги на всяких там древних языках, а я читаю следы на песке, — сказал киммериец. — Пусть каждый занимается собственным делом, хорошо? Я говорю тебе, что твоя подружка проехала здесь и что она направлялась прямехонько туда, где дрожит воздух. Значит, так оно и есть. Не задавай мне больше никаких вопросов, потому что — клянусь Кромом! — я сделаю с тобой то, что глупые землекопатели сделали со стариком, отыскавшим воду.

Югонна счел за лучшее замолчать и отвести глаза, чтобы киммериец не смог догадаться о его мыслях.

Оба путника снова двинулись вперед. Конан то и дело приостанавливал коня и всматривался в странную картину, которая открывалась перед ними. Киммериец отказывался верить в то, что это оазис.

— Ты ведь видишь, там пальмы и огражденный колодец, — сказал Югонна. — Если бы это был мираж, мы с тобой видели бы разное. К примеру, передо мной был бы город с множеством фонтанов, а перед тобой — караван-сарай и большая бочка эля...

— Хорошего ты обо мне мнения! — хмыкнул Конан. — Впрочем, ты прав: мы действительно видим одно и то же. Пять пальм и колодец. Невысокое каменное ограждение, коновязь, колода для скота...

— Ты различаешь даже такие детали? — удивился Югонна.

— А ты разве нет?

Югонна смущенно отвел глаза.

— Я слишком много времени проводил за книгами и опытами с зеркалами и стеклами... Боюсь, это повредило мое зрение. Но пальмы я различаю. А кроме того... Нет, этого не может быть!

Он оборвал сам себя и замолчал, болезненно моргая веками. Но сколько он ни

вглядывался, ничего рассмотреть толком не мог.

Конан неожиданно принял решение и погнал коня вперед. Животное и само рвалось туда, раздувало ноздри, ржало — оно чуяло воду. В этом не было ошибки.

Югонна, выказав себя недурным наездником, помчался вслед за варваром. Они проскакали несколько десятков полетов стрелы, но оазис не приблизился к ним ни на шаг. Конан натянул поводья и повернулся к Югонне.

— Что скажешь?

— Скажу, что ничего не понимаю... Это действительно оазис?

— Судя по поведению лошадей, да, — хмуро ответил Конан. — Но нам туда не добраться. Он как будто все время отодвигается. Можно подумать, эта штука дразнит нас, заставляет держаться поодаль.

— Зато теперь я вижу его гораздо лучше, — возразил Югонна. — Возможно, мы все-таки приблизились, только воздух пустыни каким-то образом так преломляет солнечные лучи, что нам кажется, будто оазис стоит на месте...

— Выражайся яснее, — сказал варвар, — А главное — перестань воображать, будто я такой неотесанный невежда, которому можно заморочить голову разной ерундой. Полагаешь, я не разбираюсь в таких штуках? Многие делали подобную ошибку. И поплатились за нее. Иные — очень сурово поплатились. Пара-тройка умников даже рассталась со своей бесполезной жизнью.

— Я учту, — сказал Югонна.

— Бот и хорошо. Так что ты хотел мне сообщить, умник?

— Только одно. Если раньше я видел оазис очень плохо, а теперь вижу его лучше, значит, он приблизился. Точнее, мы приблизились к нему, а он позволил нам это.

— Ясно.

— Я даже могу рассмотреть... — Югонна сощурился и вскрикнул: — Нет, этого не может быть!

— Чего не может быть? — нахмурился Конан.

— Это она!

— Кто?

— Далесари! Моя невеста! Она там, в оазисе! Я* вижу ее, она спряталась от солнца под навесом и спит... Мы достигли цели, Конан! Спасибо тебе!

Киммериец поморщился. Неумеренные изъятия восторга со стороны его спутника показались Конану неприятными, а то обстоятельство, что Югонна прослезился, вызвало у киммерийца легкий смех.

— Ты уверен, что видишь ее? — осведомился Конан.

Югонна повернул к нему покрасневшее лицо, покрытое пятнами солнечных ожогов.

— Разумеется, я ее вижу! — воскликнул он. — А ты разве нет?

Киммериец сощурил глаза.

— Возможно... Что-то белое там определенно есть. Между стволами пальм.

— Это навес! А под навесом — Далесари.

— Я ведь не говорю, что это не так, зачем же кипятиться? — фыркнул Конан. — Если Далесари там, значит, скоро вы воссоединитесь и сольетесь в объятии.

Югонна посмотрел на варвара с укоризной.

— Почему ты смеешься над нашим чувством?

Киммериец вздохнул.

— Я вовсе не смеюсь. Ха. Ха. Поехали, не будем терять времени. Может быть, ты начнешь видеть этот оазис еще лучше, и это послужит тебе утешением. Потому что, с моей точки зрения, мы не приблизились к нему ни на шаг.

Глава шестая

Пятое зеркало

Далесари видела тревожные сны. Ей снилось, будто она замурована в прозрачном шаре, и эта хрустальная гробница помещена посреди раскаленного мира, и нет надежды на спасение. Она мечется внутри шара, пытаясь найти выход, но везде встречает одно и то же: прозрачную преграду, которую невозможно разбить.

Она начинает звать на помощь, но голос ее вязнет и теряется. Она обречена на вечное одиночество, на бесконечные зимы заточения... Далесари горько заплакала во сне, но не пробудилась.

Она перевернулась на другой бок, и ей снова стали сниться сны, один тревожнее другого. И все эти видения разворачивались внутри непроницаемого для внешнего мира хрустального шара посреди пустыни...

* * *

Конан и его спутник скакали навстречу таинственному оазису уже несколько часов. За это время солнце сместилось на небе ближе к краю горизонта. Через час оно начнет опускаться, с через два на землю опустится ночь.

Наконец киммериец вынужден был признать, что оазис действительно приблизился. Заколдованное место подпустило к себе настойчивых путников на расстояние в полет стрелы. Югонна ликовал. Он был прав! Этот оазис — реальность, и до него можно добраться. Осталось только пробить магическую защиту, окружавшую клочок земли посреди пустыни, и освободить женщину, спящую под навесом среди пальм.

Пару раз из-за стволов показывалось животное с длинной шеей. Оно выглядело очень довольным: не нужно было никуда скакать, можно полежать возле воды, насладиться прохладой. В конце концов оно улеглось возле своей хозяйки и засунуло голову под навес.

— Они бывают забавными, — сказал Югонна, обращаясь к Конану. — Иногда так привязываются к своим хозяевам, что начинают ласкаться и даже пытаются забраться на колени, как балованные собачки.

— Хороша собачка, — пробурчал Конан. — Мясо у них вкусное?

Югонна содрогнулся.

— Как можно даже думать об этом!

— Едим же мы конину, — ответил варвар, поглаживая своего скакуна по шее.

Югонна вдруг сообразил, что киммериец дразнит его, и надул губы. Опять он попался! Конан расхохотался.

— Ты чрезвычайно легковверен. В ученом человеке это странно.

Югонна не ответил. Он снял с пояса флягу и глотнул воды. И замер, держа флягу па отлете.

— Тише...

Но предостережение оказалось излишним: Конан и сам уже услышал звук. Кто-то быстро приближался к обоим путникам. Кто-то покрытым жесткой чешуей, которая скрежетала при каждом движении.

И бежало это существо с устрашающей скоростью...

Скоро оно показалось из-за барханов. У Югонны душа ушла в пятки. Он никогда прежде не видывал ничего подобного. На них мчалась огромная ящерица. Ее тело извивалось, как у змеи, но поддерживали это тело мощные когтистые лапы. Крохотные желтые глазки рептилии горели дьявольским огнем, из пасти, полной острых зубов, высовывался фиолетовый раздвоенный язык.

Конан выхватил меч.

Ящерица остановилась и испустила громкий скрежещущий звук. Лошади перепугались

и поднялись на дыбы. Югонна, менее опытный наездник, сразу же вывалился из седла, а Конан пытался укротить своего коня еще некоторое время, но животное отказывалось слушаться. Коня охватил панический ужас. Очевидно, рептилия умела вызывать это чувство в других животных.

В конце концов Конан спрыгнул на землю, держа меч наготове.

У Югонны был только длинный кинжал, которым снабдил своего спутника киммериец. Сейчас молодой человек вцепился в рукоять этого кинжала с таким видом, словно дал себе торжественную клятву — дорого продать свою жизнь. Будь ситуация менее серьезной, Конан от души посмеялся бы над мрачным выражением лица, с которым Югонна взирал на ящерицу.

Ящерица снова заверещала, а затем выплюнула длинную струю какой-то прозрачной жидкости. Она явно целилась в киммерийца. Конан успел отскочить в сторону, и ядовитая слюна рептилии попала в песок.

Песок начал плавиться, над ним поднялся зловонный дымок.

— Что это? — задыхаясь, крикнул Югонна.

— Просто уворачивайся, — ответил киммериец. — Не позволяй этой штуке попасть тебе на кожу. Остальное я сделаю сам.

— Но что это? — снова повторил Югонна.

— Делай как я сказал! — зарычал Конан. — Не болтай! Не отвлекайся! Когда я добуду тебе труп, ты сможешь изучать его, сколько тебе вздумается, а пока — заткнись!

Ящерица резко развернулась, взметнув хвостом тучу пыли. Следующий плевок был нацелен в Югонну. Предупрежденный Конаном, тот отскочил, и снова по песку пролегла блестящая дорожка оплавленной массы.

Конан между тем приблизился к ящерице и ударил ее по хребту мечом. Сталь заскрежетала по жестким чешуйкам, не причинив рептилии никакого вреда.

Почувствовав удар, ящерица снова метнулась к Конану. И опять плюнула. На сей раз слюна задела чахлый кустик какого-то еле живого растения. Сухие листья вспыхнули.

Конан перекатился по песку и вскочил на ноги.

— Эй, я здесь! — заорал он, направляя меч прямо в глаза рептилии.

Но глаза эти были слишком маленькими, чтобы через них можно было добраться до мозга ящерицы. Меч попросту не прорубит глазницу.

Ящерица зашипела, стуча хвостом по земле. Ее когтистые лапы заскребли песок и прорыли глубокие борозды.

Конан ловко ушел от очередного плевка, а затем ткнул ящерицу мечом в бок.

Она не знала, куда прицелиться. Двое мужчин метались перед ней из стороны в сторону. Не реагировать на движение рептилия попросту не могла — инстинкт заставлял ее набрасываться на все живое, ибо любая живая теплокровная тварь воспринималась ею как пища, как ее законная добыча.

Но какую цель поразить первой? Она прицеливалась в Югонну и тут же видела подбегающего Конана, она поворачивалась к варвару, и в результате плевков попадал впустую.

— Скоро ее слюнные железы истощатся, — задыхаясь, сказал Югонна.

Конан только зарычал сквозь зубы. Он предпочитал не задаваться вопросами касательно «слюнных желез», ибо по собственному горькому опыту знал: встречаются монстры, к которым неприменимо знание, вполне приемлемое, когда речь идет об обыкновенных существах.

Ящерица плюнула особенно обильно, как бы желая опровергнуть заявление Югонны, а затем, разворачиваясь, сбила молодого ученого с ног. Он покатился по песку, крича от боли: жесткая чешуя до крови расцарапала его лицо, и без того пострадавшее от солнечных ожогов.

Ящерица плюнула ему вслед, но промахнулась. Конан между тем наконец увидел уязвимое место на теле рептилии: у основания шеи ящерица потеряла одну чешуйку.

Киммериец не мог бы определить, как это произошло: вследствие несчастного случая или из-за обычной линьки. Как бы там ни было, но Конан теперь знал, куда вонзить меч.

С громким боевым кличем киммериец прыгнул прямо на спину ящерицы. Она завертелась под ним, желая сбросить дерзкого человека и растоптать его, а затем наконец сожрать. Но Конан крепко держался одной рукой за чешую, другой тем временем вытаскивая из-за пояса один из своих метательных ножей. Меч ему пришлось отбросить. Это было рискованно, потому что в случае неудачи Конан оставался бы один на один с разозленной рептилией — и почти совсем безоружным.

Но дело того стоило. Ящерица вдруг поднялась на задние лапы и встала торчком, приобретя пугающее сходство с человеком. Наблюдавший за схваткой издали Югонна с ужасом и отвращением подумал, что так выглядел бы великан, покрытый чешуей и отрастивший себе непомерные когти.

Сбросить со спины киммерийца, однако, рептилии не удалось. Конан предвидел нечто подобное и хорошо закрепился среди чешуи ящерицы. Он упирался обеими ногами в зазоры между чешуйками, да еще держался рукой. И когда ящерица, постояв и подергав в воздухе передними лапами, снова утвердилась на четырех конечностях, Конан с силой вонзил кинжал в открытое место на спине ящерицы.

Сталь с трудом пропорола жесткую серую кожу и вошла в плоть. Очевидно, она задела позвоночник и причинила рептилии страшную боль.

Ящерица испустила оглушительный вопль. Это было нестерпимо громкое скрежетание — как будто кто-то водил ножом по стеклу, только в десятки раз громче.

Конан кубарем скатился на землю и поспешил убраться подальше от агонизирующей твари. Рептилия билась всем телом о землю. Она подпрыгивала высоко в воздух, извивалась в полете и со всего маху обрушивалась обратно наземь, вздымая при этом тучи песка. Земля гудела от этих ударов.

При каждом толчке она выплевывала яд, и все вокруг покрылось блестящими «блюдечками» оплавленного песка.

Ни один из наблюдателей не смог бы сказать, как долго продолжалась эта агония. Югонне показалось, что ящерица умирает бесконечно, Конану в конце концов сделалось просто скучно. Но вот прыжки ящерицы стали менее яростными, она перестала извиваться и лупить хвостом и лапами, а потом и вовсе затихла.

Конан подождал, пока ее глаза затянутся мутной пленкой, и только после этого приблизился. Югонна с опаской наблюдал за ним.

Конан обернулся и с усмешкой посмотрел на приятеля:

— Не хочешь исследовать эту тварь? Кажется, ты ученый. Тебя должны интересовать такие вещи. Как ты там говорил? Слюнные железы? Можешь теперь посмотреть ее слюнные железы. Можешь их вырезать и носить с собой.

Конан, о чем ты говоришь?

— Да ни о чем. У меня был знакомый, он носил с собой яйца одного звероящера, которого убил несколько зим назад. Такие сморщенные черные...

— Довольно! Меня сейчас стошнит, — вскрикнул Югонна.

— А, ну это дело хорошее, — равнодушно сказал Конан. — Блшой себе на здоровье. В пустыне места много, не забыл?

Рептилия действительно была мертва. Конан извлек из трупа свой кинжал, подобрал меч и еще раз осмотрел ящерицу. Интересно, чьими чарами создана эдакая тварь?

— Ты думаешь, это колдовство? — спросил Югонна.

Конан резко повернулся к нему.

— С чего ты взял, что я думаю о колдовстве?

— Я не читаю твоих мыслей, если ты этого боишься, — поспешно отозвался Югонна и тотчас прикусил язык: заподозрить Конана в том, что он чего-то «боится»! Только глупец мог брякнуть такое. — Я хочу сказать, не стоит предполагать, будто я колдун. Просто я тоже думал о чарах. Но нет, это никакие не чары. Просто пустыня порождает иногда весьма

странных чудищ.

— Ну да, приблизительно так я и думал, — проворчал Конан.

— К тому же, — осмелев, продолжал Югонна, — мне тут пришло в голову...

Киммериец устремил на него пронзительный взгляд. Югонне пришлось собрать все свои силы, чтобы не смутиться и продолжить:

— Я занимался изучением свойств стекла и зеркал, их отношением к свету... Смотри, во что эта тварь превратила песок...

Конан наклонился, потрогал блестящую поверхность оплавленного песка.

— Кажется, я начинаю понимать, — проговорил он.

— У нас теперь есть несколько больших кусков почти прозрачного стекла, — продолжав Югонна, чувствуя небывалый прилив энергии. — Я попробовал бы соорудить из них нечто вроде специального прибора... Сдается мне, этот оазис не просто «заколдован» — в твоём понимании... Здесь работают какие-то странные законы изменения света. И я попробую преобразовать эти законы. Помоги мне выкопать стекло и очистить его.

Югонна указал на полупрозрачную массу, блестевшую под солнцем. Конан пожал плечами. Когда он сталкивался с магами, он не чувствовал себя глупо только в одном случае: если маг пытался его убить, а он, Конан, в свою очередь, разил мага. Все другие способы взаимодействия с подобными людьми вызывали у киммерийца недоумение.

Как будто угадав мысли своего спутника, Югонна улыбнулся:

— Я ведь уже говорил тебе, что я не колдун, а ученый. Я исследовал в лабиринтах свойства прозрачных материалов. Далесари попала в хрустальную ловушку. И разрушить эту западню могут такие же зеркала, какие создали ее.

— Думаешь, здесь побывал ее дядюшка?

— Уверен.

Конан наклонился и поднял ближайший к нему кусок стекла. Увы! Киммериец приложил слишком большую силу и действовал чересчур порывисто: стекло сломалось у него в руках.

Югонна не сдержал удивленного восклицания.

— Что такое? — сердито нахмурился Конан.

— Ты очень силен.

— Знаю.

— Следующий раз будь поосторожней.

Конан извлек следующий кусок. Этот оказался поменьше, но тоже достаточно большой.

Югонна тотчас схватил стекло и принялся полировать его рукавом своей одежды. Конан не без одобрения подумал о том, что щеголь-аристократ, по крайней мере, не боится испачкать свои драгоценные тряпки, когда доходит до дела.

И снова Югонна угадал мысли киммерийца.

— Такой плотный шелк как нельзя лучше подходит для наведения глянца на поверхность зеркал, — объяснил он. — В лабиринте я пользовался чем-то похожим. Да и рубаха все равно испорчена.

Конан пожал плечами.

— Сдается мне, один рукав такой рубахи стоит приблизительно столько же, сколько коза.

— Коза? Для чего мне коза? — засмеялся Югонна.

— Коза может прокормить небольшое семейство, — ответил киммериец. — В некоторых областях к этой теме не отнеслись бы так легкомысленно.

— Просто, — не прекращая работы, отозвался Югонна. — Я никогда не думал о жизни с этой точки зрения.

— В Авенвересе нет бедняков?

— Есть, наверное... Мы, ученые лабиринта, обитаем в собственном мире, отделенном от всего остального. К тому же, мой дом стоит в аристократическом квартале.

— Здесь тоже есть богатые кварталы в городах, — заметил Конан, трудясь над извлечением следующего куска стекла. — Но совсем неподалеку от дворцов можно увидеть и хижины... Впрочем, какое мне дело! — неожиданно киммериец рассердился. — Я всего хлебнул, и богатства, и нищеты, и свободы, и рабства, и знаешь что я тебе скажу? Из всего, что я пережил, свобода пришлась мне по вкусу больше всего. Так что я, как и ты, не стану на свою долю покупать козу. Эта скотина свяжет по рукам и ногам...

Югонна засмеялся.

— Забавно ты рассуждаешь. Я тоже не стану покупать козу.

— По крайней мере, в этом мы сходны.

Югонна закончил очищать первое стекло и установил его торчком в песке, так, что солнечные лучи, проходя сквозь него, падали на оазис, где находилась Далесари.

Второе стекло заняло место поодаль от первого, третье — точно напротив первого, четвертое — напротив второго. Таким образом, лучи света, проходя сквозь эти стекла, образовывали крест, а сердцевина этого креста приходилась на сам оазис, точнее — на водный источник в центре оазиса.

— Теперь осталось установить самое главное стекло, пятое, — сказал Югонна, созерцая плоды их с Конаном неустанных трудов. — Это стекло — точнее, зеркало — будет самым главным. Оно должно будет поймать солнечный луч, вобрать его в себя и перенаправить в остальные стекла.

— В бубен бить не будем? — осведомился Конан.

— Что? — не понял Югонна.

— Заклинать духов? Плясать? Вызвать заклятья?

— Ничего подобного, даже и не надейся. Какой ты упрямый, Конан! Я ведь уже говорил тебе...

— Да, но звучит все это неправдоподобно, скажу по чести.

— Я догадался, каким способом Ронселен устроил эту ловушку. А если знаешь, как вещь сделана, всегда сообразишь, как можно ее разрушить.

— Согласен, — кивнул Конан и тут же добавил: — Впрочем, я не слишком хорошо знаю устройство человеческого тела, где там у него разные важные потроха расположены, зато разрушить...

— Все, довольно! Ты невыносим.

Киммериец пожал плечами, втайне очень довольный тем, что посадил ученого в лужу и что последнее слово оставил все-таки за собой.

Пятое стекло Югонна полировал с особым старанием. Киммериец отметил про себя, что изнеженный ученый ни разу не пожаловался на голод, хотя оба они не ели уже довольно давно и к тому же растратили много сил на сражение с плюющей ящерицей. Должно быть, Югонна не лгал, когда говорил о себе как об увлекающейся натуре. Стоило Югонне заняться чем-то, что по-настоящему заполняло его мысли, и он позабыл даже о потребностях своего тела.

Что ж, себя Конан никак увлекающейся натурой не считал. Поэтому он вытащил из-за пазухи сверток, в котором обнаружилась лепешка и кусок чрезвычайно жесткого и почти черного вяленого мяса и принялся жевать.

Югонна же трудился над своим зеркалом и даже не заметил этого. Немало позабавившись такому усердию, Конан решил оставить кусок для труженика-аристократа, хотя первоначально такого намерения не имел.

Наконец Югонна закончил работу и только тогда поднял глаза.

— У тебя есть хлеб, как хорошо! — простодушно воскликнул он. — Очень есть хочется. Только сейчас понял.

Конан молча протянул ему остатки жалкой трапезы, и Югонна сгрыз мясо в считанные мгновения, а лепешку проглотил.

— Теперь я чувствую себя человеком! — потирая от удовольствия руки, объявил он. — Пойдем, посмотрим, где лучше установить зеркало. Солнце уже садится, так что начинать

работу будем поутру, с рассветом. Так, солнце садится вон там... — Он с озабоченным видом указал на небо. Можно было подумать, это именно Югонна распоряжался закатами и восходами и сейчас беспокоился о том, чтобы все прошло гладко и без осложнений. — Стало быть, взойдет оно с той стороны... Поправка на время года... Так... Луч пройдет сквозь стекла в направлении с юго-востока на северо-запад с небольшим отклонением...

Бормоча все эти малопонятные слова, Югонна двинулся в путь вокруг оазиса. Они уже не в первый раз обходили оазис.

Теперь Конан хорошо видел, что там, возле источника, действительно спит девушка и бродит животное с длинной шеей. Стеклоистое мерцание окружало их, вместе с пальмами и колодезем. Далесари была как будто накрыта огромной прозрачной чашей.

После упорных попыток подобраться к ней поближе двое путников все же оказались возле самой стеклистой стенки. Только вот прикоснуться к ней рукой никак не удавалось — стена тотчас отодвигалась вместе с помещенным внутрь нее оазисом. Поэтому приятели решили довольствоваться тем, что они по крайней мере стоят поблизости от таинственного оазиса.

— Не будем ее трогать, иначе она может переместиться за сотни полетов стрелы отсюда, — предложил Югонна. — И нам опять придется гнаться за ней.

Конан молча кивнул.

Югонна разместил пятое зеркало в том месте, которое считал наиболее подходящим, и, полюбовавшись на свою работу, растянулся поблизости на песке.

— Теперь можно и поспать, — объявил он. — Сейчас мы ничего больше сделать не в состоянии. Зато завтра, когда взойдет солнце...

Он не договорил. Сладко зевнув, Югонна тотчас погрузился в крепкий сон.

* * *

Конан, как обычно в подобных ситуациях, спал вполглаза. Звериным чутьем, присущим варвару, он чувствовал, что злокозненный старик бродит где-то поблизости. Из всего, что Конану удалось узнать о Ронселене, киммериец сделал один вывод: дядюшка Далесари не из тех, кто отступает от своего. Ронселен поставил себе целью разлучить влюбленных и не допустить брака Далесари — и он не остановится, пока не избавится от племянницы, а заодно и от опасности разоблачения.

Поэтому Конан пробудился от еле слышного шороха и сразу же сомкнул пальцы на рукояти меча.

В непроглядной тьме ночи явно кто-то был. Кто-то, кто очень тихо ступал по песку. Несколько мгновений Конан прислушивался, не предпринимая никаких действий. Скорее всего, чужак почти ослеп в кромешной темноте. Очень скоро он выдаст свое присутствие, и тогда Конан легко схватит его.

Сам киммериец, в отличие от большинства «цивилизованных» людей, хорошо видел в темноте, так что сейчас у него было преимущество перед неизвестным. Конан продолжал ждать.

Чужак находился еще довольно далеко от того места, где спали Югонна и его спутник. Он шел очень медленно и то и дело останавливался и прислушивался. Конан улыбнулся. Скоро все сомнения негодяя будут разрешены — раз и навсегда!

И тут произошло нечто неожиданное. Раздался оглушительный звон — разбилось одно из стекол. И почти сразу же после этого быстрые шаги прозвучали по песку и стихли в отдалении.

Ругаясь последними словами, Конан вскочил и бросился в погоню. Тщетно — незнакомец скрылся, как будто растворился в ночи.

От звона пробудился и Югонна.

— Что случилось? — сонно спросил он.

— Здесь был Ронселен, — ответил Конан зло. Больше всего он злился на самого себя за то, что недооценил «дядюшку». Тот оказался ловчее, чем предполагал киммериец! — Разбил зеркало и скрылся.

— Проклятье! — Югонна схватился за голову. — Что же делать? Мы не успеем подготовить новое зеркало до восхода солнца и потеряем еще один день. А за день может произойти слишком многое... Быть может, сон Далесари станет настолько глубоким, что она больше уже никогда не проснется...

Его отчаяние было таким глубоким и всеохватным, что Конан ощутил подобие сострадания.

— Думаю, мы сумеем достать пятое зеркало гораздо быстрее, чем ты думаешь, — сказал он.

Югонна повернулся к собеседнику, невидимому в черноте ночи.

— Но как? — В голосе говорившего прозвучали слезы.

— С восходом солнца увидишь, — обещал Конан, растягиваясь на песке. — Верь мне, Югонна.

И Югонна, как ни странно, поверил. Он снова улегся и скоро опять заснул. Конан только головой покачал. Как можно быть таким доверчивым! Уму непостижимо. Станный народ эти аристократы: в чем-то горды, как демоны, а в чем-то простодушны — ну совершенно как дети.

* * *

Первый луч солнца показался из-за горизонта, и все небо вспыхнуло ослепительно яркими красками. Югонна вскочил, как будто его толкнули.

Киммериец храпел, разметавшись на песке, и Югонне стоило немалых сил разбудить его. Впрочем, отчасти Конан дразнил своего товарища.

— Конан! Солнце встает! Нам необходимо пятое зеркало.

Конан лениво приоткрыл глаз.

— Кто встает? Что ты кричишь? Где враги?

— Солнце встает, поторопись! Ты говорил, что найдешь зеркало еще до восхода!

— А...

Конан широко зевнул и уселся. Потер глаза и с веселой ухмылкой глянул на взволнованного Югонну.

— Ты помнишь то место, где устанавливал пятое зеркало?

— Конечно... Там, наверное, остались осколки.

— Идем.

Конан вскочил на ноги и зашагал рядом с удивленным Югонной. Когда они очутились возле кучи осколков, солнце как раз поднялось над горизонтом, и куча битого полированного стекла вспыхнула мириадами искр. Конан вынул из ножен меч и с силой вонзил в песок. Лучи солнца отразились от полированной стали.

— Ну что, Югонна, читай свои заклинания!

— Сколько раз тебе говорить, что никаких заклинаний мне не потребуется. Солнечный свет все сделает сам, без особой просьбы.

— Посмотрим...

Собранные на поверхности клинка в пучок лучи внезапно разошлись веером и, увеличенные стеклами, пронзили прозрачные стены незримой ловушки. Купол над Далесари стал золотым, затем золото поблекло, приобрело ржавые оттенки, и вот уже опрокинутая чаша, накрывшая оазис, пылает алым.

Конан наблюдал за этими превращениями света, покусывая нижнюю губу. Даже если это и чары, то очевидно не направленные против него, Конана. Следует подождать и посмотреть, как развернутся события.

Алое горение вдруг прекратилось. «Чаша» снова стала прозрачной.

И тогда Югонна осторожно приблизилась к ней и протянул руку.

На сей раз рука свободно прошла сквозь незримую стену. Югонна с улыбкой повернулся к Конану.

— Получилось!

— Подожди радоваться, сперва заведи оттуда девчонку да разбуди ее, — буркнул киммериец. — Может быть, все гораздо хуже, чем выглядит.

Сегодня он был настроен мрачнее обычного.

Не нравились Конану все эти фокусы с зеркалами. Никогда из зеркал ничего хорошего не выходило. Конану на ум приходили разные колдуны, которые ухитрялись создавать двойников при помощи магических зеркал, и каждый из этих двойников был занят только одним делом: пытался угробить киммерийца. А зеркала, помогавшие колдунам следить за другими людьми, даже не выходя из своих башен! Зеркала, выпивавшие из людей души, зеркала-соглядатаи...

Конан покачал головой. Теперь вся эта затея Югонны показалась ему до крайности глупой. И опасной.

Но было уже поздно останавливать Югонну. Он вошел под незримый купол и наклонился над спящей Далесари.

Верховое животное девушки узнало молодого человека. Оно выбежало из-за пальм и, наклонив длинную шею, потерлось мордой о плечо Югонны, едва не опрокинув того на землю.

— Пуста, пусти... — Он, смеясь, отталкивал морду зверя, но в ответ слышал лишь довольное пофыркивание. — Пусти же! Я должен вынести ее отсюда. Понимаешь?

Слушая знакомый голос, животное успокаивалось. Оно провело беспокойную ночь. Звериный инстинкт говорил ему о том, что они с хозяйкой угодили в какую-то западню и что выбраться отсюда будет непросто. Зверь неустанно бродил по оазису, то и дело натываясь на невидимые преграды. Это бесило его, он даже пытался бить копытами по стене, но никогда не попадал в цель.

Появление Югонны оказалось как нельзя более кстати. Зверь сразу же развеселился, начал мотать головой, фыркать, толкаться и проявлять свое дружелюбие разными другими способами. Например, попытался пожевать на Югонне одежду, а потом наклонился к Далесари и захватил мягкими губами ее волосы.

Югонна взял Далесари на руки и прижал к себе. Голова девушки бессильно мотнулась, руки повисли. Он тихонько похлопал ее по щеке.

— Далесари, это я, Югонна! Проснись!

Она в ответ лишь простионала что-то. Ее ресницы трепетали, глаза под веками перекатывались, тело покрывала холодная испарина. Далесари явно находилась во власти какого-то кошмара, но избавиться от него не могла.

Югонна понял, что должен вынести девушку отсюда, и чем скорее, тем лучше. Не стоит, наверное, даже пользоваться водой из этого источника.

С бесчувственной Далесари на руках он сделал шаг к свободе...

Глава седьмая

Освобождение

И тут Конан услышал за спиной дьявольский смех.

Киммериец резко обернулся. Наконец-то он встретит врага лицом к лицу!

Только что здесь никого не было, Конан мог бы поклясться в этом, и вот на песке стоит, злобно ухмыляясь, старик в богатой шелковой одежде. Седые волосы старца были завязаны на макушке в хвост, его лоб охватывала широкая ярко-красная лента, украшенная

драгоценными камнями. В руке он держал длинный тонкий меч и, судя по тому, как уверенно пальцы сжимали рукоять, обращаться с этим оружием старик умел недурно.

Конан сразу же понял, что не стоит обольщаться и надеяться на то, что почтенный возраст сделает Ронселена неопасным противником. Напротив. Ронселен, хоть и был совершенно сед, находился в том возрасте, когда силы еще не покинули человека, а опыт возрос стократно — по сравнению с более молодыми фехтовальщиками.

Богатые одежды Ронселена были расписаны изображениями устрашающих чудовищ. Одно из них, с длинными усами, хватало щупальцами кричащую красавицу и тащило ее на дно морское; другое — с кожистыми крыльями — опускалось на голову присевшего от ужаса человека с явным намерением разорвать беднягу когтями...

Конан подумал вдруг, что эти изображения, как в зеркале, отражают душу Ронселена. «Что ж, — подумал киммериец, — он играет в злодея и возвращает тьму в своей душе, в то время как я — само зло, если захочу!»

— Кром! — взревел киммериец. — Наконец-то ты осмелился предстать передо мной при ясном свете!

— Да? — насмешливо удивился старик, даже не подумав уstrasиться. — А что, ты этого хотел — увидеть меня при ясном свете?

— Обычно ты крадешься в ночи!

— Да, это мое обыкновение, — согласился Ронселен. И заметив, что Конан метнулся к своему мечу, захохотал: — О да, сделай это! Выдерни свой меч из песка и обрушь на мою голову! Тебе ведь этого хочется?

Конан замер. Внезапная догадка пронзила его: как только он извлечет меч из песка, разрушится сетка из солнечных лучей, сплетенная искусством Югонны, и ловушка опять замкнется. И теперь внутри миража окажутся не только Далесари и ее зверь, но и Югонна. Вероятно, проклятый колдун будет только счастлив, увидев, как киммериец собственными руками погубит своего спутника.

Конан выхватил из-за пояса кинжал. Краем глаза он видел, как Югонна, пошатываясь, бредет к границе миража, но граница эта все время отступает. Со стороны казалось, что Югонна с Далесари на руках шагает на месте, бесцельно поднимая и опуская ноги, а за ним так же бессмысленно топчется верховое животное.

Глаза Югонны были мутными. Казалось, он с трудом одолевает сонливость. Более того, обычно хитрый и сообразительный, Югонна утратил весь свой острый ум. Ему даже в голову не приходило сесть верхом на зверя или по крайней мере усадить на него Далесари. Он продолжал брести, не выпуская девушку.

«Наука наукой, — подумал Конан, — но здесь все равно действуют какие-то чары. И разрушить их можно лишь одним способом: отправив назойливого старца в Серые Миры».

С ножом в руках он набросился на Ронселена.

Выказывая ловкость, совершенно не вяжущуюся с обликом пожилого человека, Ронселен легко уклонился от первой атаки киммерийца. Пока Конан пружинисто выпрямлялся, Ронселен, стремительный, как нападающая кобра, нанес ему колющий удар в плечо.

— Кром! — рявкнул Конан. — Ты разозлил меня!

Ронселен лишь усмехнулся. Он не намеревался вступать в диалог. Все эти разговоры во время поединков лишь сбивают дыхание, и хитрые фехтовальщики пользуются этим. И рассердить Ронселена, вывести его из себя киммерийцу тоже не удастся. Ронселен давно вышел из того возраста, когда бесятся в ответ на насмешливое слово.

Конан отскочил и закружил вокруг своего противника, высматривая, как и куда лучше нанесли удар.

Ронселен сохранял бдительность, и откуда бы ни замышлял атаку киммериец, ему навстречу всегда был устремлен клинок.

В какой-то миг Конан подумал, что никогда не сможет победить в этом сражении. Что ж, его задача — выиграть время. Возможно, он сумеет измотать Ронселена, и тогда... тогда

можно будет рискнуть и метнуть нож.

Конан не сомневался в том, что со смертью колдуна пропадет и невидимая преграда. Своими зеркалами Югонна сделал стену проницаемой, но не сумел разрушить магию целиком и полностью.

Краем глаза Конан глянул на своего товарища. Кажется, Югонна немного приблизился к границе. Во всяком случае, теперь он казался чуть ближе, чем прежде. Но сил у него почти не оставалось. Он еле плелся, и только врожденное упрямство позволяло ему еще оставаться на ногах.

Сон упорно гнул Югонну к земле. Ничего на свете ему не хотелось так сильно, как лечь и забыться...

Но он продолжал оставаться на ногах. Он знал, что Конан смотрит на него. Конан сражается за него и Далесари. Как далеко еще идти! Какая утомительная дорога и как ужасно жарит солнце! Югонну ничуть не удивляло то обстоятельство, что его приятель вдруг оказался едва ли ни у самого окоема, в то время как еще совсем недавно они стояли рядом и беседовали. Все казалось Югонне в порядке вещей.

Он болезненно щурил глаза, всматриваясь вдаль. Там, у края земли, крохотная фигурка Конана кружила вокруг другой крохотной фигурки — в ней Югонна угадывал Ронселена. И Ронселен, кажется, вооружен, а Конан безоружен. Солнце несколько раз вспыхивало на стали в руке старика.

Что случилось с мечом Конана? Почему киммериец не ударит Ронселена по голове своим замечательным широким прямым клинком и не покончит с врагом одним махом?

Как тяжела дорога!.. И не будет ей конца...

Пот заливал глаза Югонны, но у него не находилось сил даже на то, чтобы обтереть лицо. Он шел к краю света со своей невестой на руках...

Между тем Конан получил еще один укол, на сей раз в грудь, и только природная быстрота спасла киммерийцу жизнь: в последний миг он успел отклониться назад, так что острие меча лишь царапнуло кожу. Тем не менее кровь выступила на одежде. На тонких губах Ронселена показалась улыбка.

— Сдавайся! — сказал старик. — Ты проиграл. Отдай мне этих влюбленных дураков и уходи с миром. Это не твое дело, варвар, это мое дело.

— Нет! — ответил Конан.

Ронселен опустил меч, продолжая, впрочем, оставаться настороже.

— Почему ты защищаешь их? Они ведь тебе противны. Они должны быть тебе неприятны, варвар, потому что они — цивилизованные, изнеженные люди, для которых самое важное в жизни — их глупые, бесполезные книги. Ты знаешь, чем они занимаются? Он исследует свойства стеклышек, она изучает растения... По-твоему, это дело для взрослых людей?

— Мне все равно, чем они занимаются, — сказал Конан. — Да и на них мне наплевать. Но он заплатил мне и обещал отдать остальное после спасения его невесты.

— Так ты рискуешь жизнью из-за денег? — засмеялся старик. — Как глупо! Сколько он обещал тебе? Я дам больше, если ты уберешься отсюда.

Конан широко улыбнулся. Он услышал то, что хотел услышать. Ронселен на самом деле опасается Конана, коль скоро попытался его подкупить. Стало быть, имеется способ покончить с колдуном и его злыми чарами. Осталось только сообразить, в чем этот способ заключается.

С громким боевым кличем Конан набросился на Ронселена, рассчитывая застать того врасплох. Напрасные надежды! Навстречу Конану устремился меч.

— Я же говорил, что тебе не победить меня, — холодно проговорил старик, отгоняя от себя киммерийца.

Конан вновь двинулся по кругу, обходя своего врага в поисках уязвимого места...

И тут он услышал громкий, протяжный вой. Конан подскочил на месте и развернулся в ту сторону, откуда приближалась новая опасность.

По песку катилось чрезвычайно странное и жуткое с виду существо.

Оно представляло собой огромный шар — в объёме как раз с человеческий рост. Вся поверхность этого шара непрерывно шевелилась и, казалось, увеличивалась в размерах прямо на глазах. Грязно-зеленого цвета складки покрывали весь шар, куда ни глянь, и кожистые образования в некоторых местах шара двигались и корчились. Казалось, эти наросты пытаются вытянуться, стать длиннее и ухватиться за что-то.

Но самым ужасным было то, что шар сохранил кое-какие черты человеческого лица. Так, среди кожистых складок то и дело мелькали широко раскрытые глаза. Два темных глаза человеческой формы, в которых горели ужас и ярость. Этот взгляд был вполне осмысленным. Кто бы ни обрел эту диковинную форму, он обладал развитым разумом.

Неожиданно Ронселен расхохотался. Казалось, он узнал существо.

Миг спустя старик подтвердил догадку Конана, ибо Ронселен обратился к шару по имени:

Ширкух! Как ты удивительно теперь выглядишь! Оделся по последней моде, не так ли? Ха-ха! Должно быть, моя племянница насыпала тебе перцу в глаза!

С громким утробным воем Ширкух (это действительно был незадачливый разбойник) покатился к Ронселену.

Старик ловко увернулся от него и выхватил из-за пояса маленький плоский предмет. На первый взгляд Конану показалось, что это кинжал, только очень короткий и с закругленным концом, но затем киммериец понял свою ошибку. То было еще одно зеркальце.

Ронселен выкрикнул несколько слов на непонятном языке и высоко поднял зеркало над собой. Оно вдруг вспыхнуло, и длинный пылающий луч вырвался из него.

В первое мгновение, как показалось Конану, старик хотел направить луч на киммерийца, однако затем передумал. С Конаном он справится и без магии, одним лишь мечом. Зеркальце обладало небольшой силой, расходовать ее следовало очень осмотрительно. И старик повернул горящую поверхность магического зеркала в сторону катящегося шара.

Луч ударил в бесформенную массу, и шар вспыхнул. Отчаянный крик заставил содрогнуться небеса.

То погибала целая вселенная.

Огромный мир, состоящий из мириадом жизней — колония грибов, наделенных коллективным разумом. Все эти существа, наполовину растения, наполовину животные, обладающие рассудком, погибали сейчас в пламени. И вместе с ними умирал доминирующий разум, который с одной стороны существовал сам по себе — как разум человека Ширкуха, а с другой — вмещал в себе тысячи, сотни тысяч маленьких рассудков, принадлежащих паразитам.

Голос Ширкуха гремел, дрожал, рассыпался на тысячи голосов и снова соединялся в единый вопль. И вместе с тем пылающий одушевленный шар продолжал катиться, пока не достиг Ронселена. Все произошло в считанные мгновения.

Колдун осознал опасность слишком поздно: пламя сразу же охватило его. Жадные оранжевые языки впились в шелковые одежды, краска, которой щедро была расписана ткань, сразу же вспыхнула. Загорелись волосы и брови старика. Он несколько раз ударил мечом навалившийся на него шар, однако причинить большого вреда тому, что осталось от Ширкуха, уже не смог. Он пронзал и расчленял сотни маленьких существ, но на их место вставали другие, столь же крошечные. Обретя новую плоть, разбойник отчасти обрел вместе с ней и бессмертие.

Конан отбежал как можно дальше от схватки, чтобы его даже краем не задело. Он сразу оценил опасность, которую представлял собой Ширкух! Дело было даже не в пламени. Если хоть одна спора этих грибов попадет на кожу, можно сразу попрощаться с жизнью.

Умереть киммериец не боялся. Он прожил славную жизнь воина и не сомневался в том, что Кром, давший ему дыхание, с радостью примет его обратно в свой чертоги.

Но погибнуть, будучи съеденным заживо какой-то плесенью? От одной мысли об этом

ледяной пот проступил на лбу киммерийца. Ему уже грозила опасность быть проглоченным огромной змеей или разорванным на части львом, однако подобная участь выглядела желанной по сравнению с той, которая могла ожидать его сейчас.

Магическое зеркальце погасло. Ронселен отчаянно вопил, взывая к милосердию людей и богов и умоляя освободить его. Поздно! Ширкух придавил его к земле всей своей тушей. Пламя охватило обоих с удвоенной яростью. Казалось, огонь только и ждал этого мгновения, чтобы спалить обоих негодяев разом.

Столб пламени поднялся к небу, словно пытаясь соперничать яркостью с раскаленным солнцем. В оранжевой «колонне» огня Конан различал взлетающие вверх и рассыпающиеся на части фигурки: там были и чудища со змеиными телами и длинными усами, и монстры с кожистыми крыльями — кажется, они прежде украшали одежду Ронселена; мелькали и крохотные уродцы с разинутыми в беззвучном вопле острозубыми пастьми, и оторванные части человеческих и звериных тел... наконец промелькнули искаженные мукой человеческие лица: одно — молодого мужчины, другое — старика. Все это вихрем уносилось вверх и там исчезало, растворялось в оранжевом жаре пламени.

Огонь погас так же неожиданно, как и разгорелся. На земле осталось лишь черное пятно, посреди которого валялось небольшое закопченное зеркальце.

Все остальное исчезло без следа.

И почти сразу же рядом с Конаном без сил рухнул на песок Югонна, а рядом с молодым человеком повалилась и Далесари. Диковинное верховое животное остановилось, дрожа всем телом, и широко расставило ноги, чтобы не упасть.

Конан тяжело перевел дух. Он огляделся по сторонам в ожидании еще одного подвоха, по все было тихо и спокойно. Конан перевел взгляд туда, где находилась устроенная колдуном ловушка.

Оазис был на месте. Все тот же колодец, огороженный камнями, все те же пальмы. И расстояние, отделявшее путешественников от этого оазиса, измерялось не десятками полетов стрелы, а всего лишь несколькими шагами.

Конан наклонился к Югонне и толкнул его в бок.

— Очнись! Ты победил.

Югонна мучительно зевнул и усилием воли заставил себя открыть глаза. Увидев Конана, он слабо улыбнулся.

— Я все-таки дошел...

— Да нет, ты все время был здесь. Тебя удерживала иллюзия. Сейчас она рассеялась.

Югонна вдруг встрепенулся.

— Ронселен! — вскрикнул он. — Колдун должен быть здесь!

— А, так ты все-таки признаешь, что вы там у себя занимаетесь колдовством? — осканился Конан.

Югонна смутился.

— Ронселен — во всяком случае...

— Если бы ты видел, во что твоя возлюбленная превратила человека по имени Ширкух, у тебя отпали бы последние сомнения...

Югонна тяжело вздохнул.

— Твоя взяла, Конан. В том, что мы делаем, присутствует частица магии. Но только частица. Ты понимаешь? Мы не маги в полном смысле слова...

— Мне все равно как вы называетесь, — перебил Конан. — Пока вы не пробуете свои колдовские штучки на мне, можете жить спокойно. Давай приведем в чувство эту красавицу, не то она помрет во сне.

Они принялись тормошить Далесари. Скоро она начала шевелиться, бормотать, и Югонна совершенно обезумел от счастья. Недовольный всеми этими причитаниями и восторгами, Конан отошел подальше и освободил наконец из песчаного плена свой меч. Он чувствовал себя обманутым. Итак, он сам, добровольно, участвовал в колдовстве! Да еще

позволил использовать для этой цели свое оружие!

Такого с ним, пожалуй, не случилось...

Югонна как будто угадал мысли киммерийца. С сияющим лицом он повернулся к своему спутнику, когда тот подошел и мрачно уставился на парочку спасенных любовников.

— Конан! — воскликнул Югонна. — Мы оба тебе очень признательны. Позволь же отблагодарить тебя...

— Треугольными монетами, которые здешние трактирщики не хотят брать даже ради золота? — проворчал Конан.

— Нет, кое-чем получше...

Югонна кивнул Далесари, и она достала небольшой мешочек с драгоценными камнями.

— Они настоящие? — уточнил Конан. — Не иллюзия?

— Нет... Неужели ты думаешь, что мы посмели бы обманывать тебя? — удивился Югонна.

— Что ж, хорошо, — сказал Конан. — Полагаю, здесь мы и расстанемся.

— Что? — испугалась Далесари. — Ты бросишь нас в пустыне?

— Не вижу в этом никакой беды, — пожал плечами киммериец. — У вас есть вода, кое-какие сбережения, два верховых животных... И кроме того, Югонна теперь опытный путешественник. Он сумеет выжить в пустыне сам и не позволит погибнуть своей спутнице. Не так ли, Югонна?

Молодой человек промолчал.

Конан взял один из драгоценных камней и подбросил его в воздух.

— Посмотрим, может быть, и из меня получится колдун! — сказал киммериец. — Какое бы заклинание применить? Бум-брам-трам! Превратись!

И камень, сверкнув гранями на солнце, вдруг обернулся птицей. С пронзительным криком птица умчалась прочь.

Конан посмотрел на своих знакомцев. Хищная ухмылка растянула губы варвара.

— Как вам поправилась моя магия, друзья мои?

— Конан, это не то, что ты подумал, — заговорил Югонна, но его спутница опередила его:

— Нет, он прав. Мы должны рассказать ему все. Он доказал, что достоин нашего доверия...

— Для начала давайте уточним одну вещь, — сказал Конан. — Я никому ничего не доказывал. Меня наняли для определенной работы, заплатили, кстати, плохо, хотя работа сделана... И теперь, кажется, собираются почтить очередной лживой историей.

— Нет, эта история будет совершенно правдивой, — заверила Далесари. — Кое-что из рассказанного Югонной — правда. Мы договорились, что при общении с людьми будем пользоваться именно таким вариантом нашей истории. Мы действительно живем в Авенвересе, в Аквилонии. Там имеется небольшое сообщество, которое называет себя магическим. На самом деле мы не маги.

— Знакомая песенка, — перебил Конан.

— Все, что мы создаем, — это иллюзии, — продолжала Далесари. — Иллюзия заложена и в драгоценных камнях, и в той птице... Ты правильно угадал: если заговоренный камень подбросить, он обернется птицей. А если бросить его на землю, превратится в змею.

— Ну а можно сделать так, чтобы он оставался драгоценным камнем? — поинтересовался Конан.

— Наверное... Но эта иллюзия, как и любая другая, будет длиться недолго.

— Ронселен — действительно дядя Далесари?

— Да, я рассказал тебе правду в том, что касалось нашей с Далесари любви и в том, что касалось козней ее дядюшки и опекуна, — сказал Югонна. — Пойми, ложь была лишь в том, что не... совсем не практикуем магию. Даже лабиринт в нашем городе существует взаправду.

— Но город ваш — вовсе не обломок Атлантиды, не так ли?

— Да, — кивнул Югонна. — Хотя нам, конечно, хотелось бы считать себя потомками атлантов, но... это не так. Мы самые обыкновенные люди.

— Я па самом деле интересуюсь растениями, — вставила Далесари, обольстительно улыбаясь Конану.

На киммерийца эта улыбка не произвела никакого впечатления.

— А монеты?

— Монеты — настоящие. Они имеют хождение только в нашем городе.

— Ясно. А верховое животное?

— Его вывели наши ученые. Здесь тоже нет иллюзии. Очень удобная порода. Вынослив, как верблюд, но умен и обычно добр, в отличие от верблюда.

— Ваша одежда... — начал было Конан.

— Мы украли несколько шелковичных червей у кхитайцев, — с гордостью сообщил Югонна. — Несколько поколений назад наши ученые в лабиринте освоили шелкопрядство, более того — научились делать плотную ткань. Мы добавляем к шелковой нити льняную. Очень интересный способ. Так одеваются только обитатели лабиринта Авенвереса.

— Чего только не узнаешь! — сказал Конан. — Что ж, благодарю вас за поучительную историю. Я рад, что все закончилось благополучно и что вы наконец обрели друг друга. Возвращайтесь в лабиринт и плодите там магических деток, которые подожгут бороду своего отца и превратят в лягушек все украшения своей матери. Желаю вам в этом преуспеть!

С этим Конан уселся на своего коня и вознамерился было уехать.

Но любовники быстро догнали его.

— Ты оставишь нас здесь?

— Я ведь уже сказал, что моим изначальным намерением было побыть в одиночестве. Помнишь, как мы встретились, Югонна? Если у тебя не совсем отшибло память, я тебя предупреждал: я доведу тебя только до караван-сарая. Потом ты нанял меня... Но поскольку заплатить ты мне так и не удосужился, то я считаю мою работу выполненной, а тебя — моим должником. Прощай.

И киммериец ударил коня пятками. Югонна и Далесари провожали его долгим взглядом. Наконец Далесари повернулась к своему возлюбленному.

— Мы ведь не пропадем в пустыне, верно?

— Верно, — сказал Югонна. — Конан был прав: я теперь хорошо умею выживать в любых условиях. У меня был отменный учитель. А кроме того...

Он потянулся рукой к шее возлюбленной и вытащил наружу маленький медный медальон.

— Эта штука все еще с тобой...

— Разумеется, — улыбнулась она.

— Ронселен, надо полагать, охотился именно за этим предметом.

— Разумеется, — повторила Далесари.

— Обними меня. Попробуем вместе прочесть заклинание...

Она потянулась к нему, не слезая с седла, и он коснулся ее руки. Конь пугливо фыркал, обнюхивая странного зверя; животное Далесари, напротив, относилось к новому соседству с полным спокойствием.

Голоса любовников слились. Странная речь полилась из их уст, длинное, ритмическое заклинание, произносимое нараспев.

Спустя несколько минут на том месте, где только что находились двое верховых, остался лишь небольшой смерч. Он пробежал по барханам, оставляя заметный след, а затем рассеялся — как не бывало.

Конан помедлил и оглянулся. Он видел смерч, удаляющийся к горизонту, и сомнений в том, откуда взялся здесь этот смерч и куда он мчится, у киммерийца не оставалось.

— Маги! — фыркнул Конан. — Да еще влюбленные друг в друга! С ума можно сойти.

Он сильно ударил коня пятками и помчался прочь.

